

- Без вести павшие. Фотоочерк ■ Рассказ Ивана Бунина «Товарищ Дозорный»
- Принимаются заказы на колокола». Фоторепортаж
- По ухабам на пуантах. Очерк нравов ■ Почему наглеют преступники? Мнение следователя

ISSN 0131—6656

ВЕСТЬ 23 ДОЗОР

**Возлюби
ближнего твоего...**

(Читайте стр. 20—21)

Фото Александра КОВАЛЯ
и Альберта ЛЕХМУСА

НИНА ЧУГУНОВА

○ сколько чудных историй предлагает нам жизнь — историй, где человеческая судьба совершает головокружительный взлет, столкнувшись с высоким искусством, точнее, подпав под его магию и власть!

Девочка из «простой» семьи и мама, мечтающая видеть дочь на сцене, настойчиво толкающая ее в мир тягот, трагедии и блесков. Могла быть сломанная судьба, могла выйти посредственная актриса, могла получиться неплохая работница балета. Но случилось чудо, и девочка стала народной артисткой СССР — не работницей, а повелительницей. Что произошло с ней, когда? Я говорю вам, чудо: над жизнью дитяти, заполненной одним не детским, изнурительным трудом, пролетел божественный гений, и судьба свершилась. Скажу о подозрении: магия должна быть непрерывна, как и труд, — душа им откроется постепенно, но огонь пусть горит ровно и ярко; кто-то сильный пусть поддерживает его в стенах, где собираются ученики.

И вдруг я слышу:
— Балет научил меня предельной честности.

Это сказала мне наутро после «Щелкунчика», оттанцевав двадцатый сезон, народная артистка СССР Татьяна Таякина (да-да, та девочка!).

Мальчик, любитель пения, не мальчик, а уже подросток, ничего не знающий о балете, видит объявление о приеме в хореографическое училище и, живо уловив корневую связь слов «хор» и «хореография», входит.

— Веня, — говорит ему годы спустя (уже артисту с чувствительной и доброй душой настоящего артиста и музыканта) его преподаватель музыки в училище, — а почему вы сначала все пытались петь на моих занятиях?

Вениамин Кузьмичев сегодня преподает в родном училище классический танец. Он вдруг сказал о своих учениках: «Им нельзя лгать, и я им не лгу».

— И в особенности, — сказал он, — нельзя отворачиваться при виде грязи.

Или вот еще история. Мальчик послевоенного времени, почти беспризорник, продавец папирос пачками и вросыпь в туалете Русской драмы. Однажды мать дает ему поручение, значение которого для всей его жизни он смог оценить десятилетия спустя: отправиться на поиски пианино «Шредер», брошенного дома, в Могилеве, в день панического бегства матери с малыми детьми от немцев.

Он стал музыкантом, окончил консерваторию (у меня записано: «ринулся в консерваторию»)... Магия вмешалась и в характер: от природы был честен (не воровал, «не мог научиться»), он, захваченный музыкой, качество честности в себе укрепил, как укрепляется от постоянных упражнений, полагаю, даже и абсолютный музыкальный слух. Вспоминаю, как Игорь

Фото Анвара ГАЛЕЕВА

Андреевич Энгстрем смотрел и слушал «Щелкунчик»: подавшись вперед с кресла в партере, нервничая, задеваемый промахами дирижера и погрешностями кордебалета, в муках, неведомых расслабленному зрителю, пусть даже и «тонкому ценителю», в муках, но и в ожидании любимой темы... Потом мы прошли на сцену при спущенном занавесе, и вновь пал флер, явив изумление праздника, но не открыв загадок магии, рабочие сцены деловито ходили мимо Татьяны Таякиной, стоявшей с моррым прекрасным лицом у самого края.

Этим летом директор Государственного симфонического оркестра Украины Игорь Андреевич Энгстрем получил в министерстве предложение возглавить Киевское государственное хореографическое училище. (Прежний директор в то время уже, кажется, был занят своим переводом в академический оперы и балета театр на должность чиновника по рекламе.)

В ближайшие же дни знакомый из театрально-музыкальных кругов, встретив Игоря Андреевича, то ли на улице, то ли в концертном, прямоком и не понизив голоса ему заявил:

— Вы попадаете в нравственное болото!

Но Игорь Андреевич согласился, узнав, что министерство просит Татьяну Таякину взять на себя художественное руководство училищем (должность пустовала), разумеется, не оставляя сцены.

Татьяна Таякина дала согласие. (Это не начало истории и не ее финал.)

...Было время, когда училище размещалось в старинном здании в центре Киева на Пушкинской улице, неподалеку от театра, так что учащиеся могли проникать на балетные и оперные спектакли, как бы пробежав из двери в дверь.

А потом училище перевели в отделенный район, который называется Сырец (есть выражение «сырецкая шпана», не знаю, из каких времен оно), и поместили в новое и быстро и стремительно начавшее ветшать здание. Это здание было логично разделено на две симметрические части. В одной половине поселилось училище, в другой — детская музыкальная школа-интернат. Надвое разделился и интернат. И вот в одной половине звучала музыка, а по коридорам проносили виолончели и скрипки, а в другой... тоже звучала музыка, но еще и слышались команды

на французском («гран батман», «деми плие», «па де баск» — волшебная музыка балета!) и от прыжков пружинили доски в репетиционных залах, а по коридорам стремительно проносили пышные и невесомые костюмы и малые дети бегали в трико и в бантах, и наблюдалась роднящая детей и взрослых общность развернутых плеч, и прямых спин, и вскинутых подбородков, особенных, безмятежных и каких-то соловьиных глаз, всегда отмечаемых у «балетных»...

Так я сочиняю.

Долгие годы художественным руководителем училища была Галина Николаевна Кириллова. При директоре она не была вторым человеком. Сильная натура, она умела взять власть и пользоваться ею. Ее авторитет, ее опыт, звание народной артистки УССР позволяли ей успешно... тут я начинаю цитировать мои записи... «противостоять директору».

Кириллова не всегда побеждала. «Я тогда был классным руководителем, — рассказал Евгений Босый, — и у меня в классе были две девочки, профнепригодные, такие у нас в училище есть. Они были протезе Мамченко, и Кириллова была не согласна с тем, чтобы они учились, и на экзамене предложила поставить две двойки. Но мать одной из девочек говорила: все равно моя дочь окончит училище. Так и оказалось».

И ангелом Галина Николаевна не была. Знаете, пожилому человеку приятно, когда зарплату в конверте прямо в кабинет...

Галина Николаевна Кириллова отошла в мир иной, и о ней стали вспоминать преимущественно очень хорошо. Вместо художественного руководителя в училище появился художественный совет, образование из директора, представителя райкома партии, представителя министерства, так что на двух специалистов-хореографов полагалось шесть представителей.

На приемных экзаменах сидели: директор и его зам... И они «назначали», кого взять, а кого нет. И слышалось директорское: «Очень надо». Вениамин Кузьмичев, услышав такое мнение по поводу «явно профнепригодного материала», из приемной комиссии вышел, ну и что? На его глазах мальчик, принятый потому, что «очень надо», вырос, и с ним уже два года мучается коллега, а сделать уже «ничего нельзя»...

Кроме худсовета и приемных экзаменов, новая власть ознаменовалась так-

же разделением учебного процесса на «хореографический цикл» и «общеобразовательный цикл», в чем хореографам, а тем более и постороннему невозможно разобраться, я имею в виду необходимость такого новшества.

Стали очень много говорить о необходимости более тщательной общеобразовательной подготовки учащихся...

— В конце концов давайте временно забудем, кого выпускает училище: балерин, сталеваваров! Мы должны воспитывать достойного советского человека!

Эти слова я своими ушами слышала в кабинете заместителя директора по информационно-пропагандистской и воспитательной (если я правильно называю замысловатую должность) работе А. А. Шевель, и, признаюсь, тогда отмахнулась от них, как от демагогической фигуры в ораторском искусстве, но то было грозное эхо недавнего времени, о котором сейчас говорю.

Два года не было во главе художественного руководства училища ни одного специалиста балета.

Я узнаю, что зам. директора по учебной работе училища О. В. Назаров — историк, в прошлом завуч в школе. Что третье лицо, заместитель директора по идеологии... и так далее А. А. Шевель тоже историк, недавний выпускник заочного обучения.

Но бывший директор — музыкант. Он даже дирижирует оркестром во время училищных концертов. Правда, его образование — «дирижер-хоровик», а специализировался он, обучаясь, по классу баяна, «я знаю что это такое, я фортепьяно преподаю», как мягко выразился один педагог. Правда, «когда он уткнется в партитуру и начинает дирижировать, стоишь за кулисами и дрожишь, не знаешь, в каком темпе он начнет», как сказала гордость училища, в будущем великодушная, как надеются, характерная танцовщица Татьяна Братушка. Но... во-первых, цитируемые высказывания уже относятся ко времени, когда заговорили «все», а во-вторых, не обязательно быть специалистом в области балета, а надо лишь сильно любить балет, чтобы смиренно от балета отойти на приличное расстояние, оставив себе почетное место за кулисами и в зрительских рядах, а повезет — иметь счастье починять и протирать, вызывать настройщика фортепьяно и печься о врачах, вправляющих колени...

Не было художественного руководителя — не было, говорят, и конфликтов в коллективе. Но именно за эти два года в училище сделалась, цитирую мои записи, особенная «грязь дичайшая» и «дикая вонь в коридорах», и «в туалете постоянно не было воды», и в раздевалки бегали «курить» и там же «целовались», само училище стало «больше, но безобразней», на занятиях по хореографии «зачастую прыжок карамболь показывали на пальцах», за фортепьяно в отсутствие концертмейстера сидел «кто-то из бухгалтерии», в училище стали набирать «детей, чьи родители работали в комиссионторге, были гинекологами, могли достать стройматериалы», был полностью «разрушен учебный процесс» и «все было построено на интригах»... Нобухиро Тэрада...

Погодите, кто такой Нобухиро Тэрада?

В училище, кроме ребят, приехавших «изо всех уголков Украины» и из других городов страны, учатся дети из Вьетнама, Югославии... Училище давно и «плодотворно» сотрудничает с частной балетной школой семейства Тэрада в Киото, городом-побратимом Киева.

Время от времени делегации из Киото отправляются в неблизкий путь в Киев (часто, замечу, с подарками. Так, в бытность Кирилловой, был привезен и вручен училищу видеомагнитофон.). А теперь среди учащихся появился и юный наследник Тэрада — Нобухиро. Злые языки утверждают, что общение с Нобухиро, стремление видеть его сытым и здоровым не у всех вызывается бескорыстными мотивами — иначе бы и вьетнамские учащиеся ходили сытыми, а не варили себе кашу на плитке в коридоре интерната, — но как верить злым языкам! Говорят, мама Митико так волновалась, вручая Нобухиро в наши руки... А мне это видится как бы втявля!

Многое копилось под сенью полного «отсутствия» конфликтов.

Вдруг — в августе 87-го пришел новый художественный руководитель.

Петрин. Здесь помнят танцовщика московской школы, как-то давно приглашенного в училище для участия в показательном номере. Что о нем было известно? Он окончил Московское хореографическое одновременно с Фадеевичем и Касатиной, был в Минске ведущим солистом, попутно окончил филфак университета, оставаясь «крепким ведущим солистом», с возрастом перешел на игровые роли, всего отработал двадцать пять лет и, наконец, в качестве педагога-репетитора был направлен в Мексику для подготовки национальных кадров мексиканского балета. ...Вернулся. Был приглашен директором студии при ансамбле Вирского. Оттуда его и привел в училище сам директор Мамченко. Сказал и про «непростое наследство», которое достается новичку.

Владимир Сергеевич начал «просто-душно и прямолинейно». Он обошел все классы, увидел «грязюку, смрад и грибки на стенах» (то, что шутливо именовалось уже давно венецией, и, должно быть, Вениамин Кузьмичев, бывавший в Венеции, особенно мог оценить шутку, да не он один, наверное). В интернате увидел «грязь и холод» и узнал, что «воруют, белье не меняют».

Это-то ладно бы. Но он прежде классы и репетиционные залы обошел не мимоходом и каждой сестре rozdal по серье. Одному педагогу заметил:

— У ваших детей спины проваливаются...

— Я ученица Костровицкой, — здравово парировала педагог.

Другой сказал что-то обидное... Педагог-хореограф Лорита Ростиславовна Зихлинская, вспоминая обиду, смеется сквозь слезы (а это слезы жалости к Петрину):

— Прав был, прав, конечно!

Так, переходя из зала в зал, Петрин добрался и до руководства. Петрин был деликатен:

— Олег Николаевич, хореография — дело сложное, тут и Петипа еще не все раскрыл, что же вы дирижируете невпопад...

Впрочем, этот вариант принадлежит самому Владимиру Сергеевичу. Согласно другим сведениям, он просто сказал: — Вы не понимаете хореографии, не надо вам дирижировать.

А директор, как заявляют злые языки, не только любил дирижировать, но почитал себя Караяном. Да и неспециалистом в хореографии называть его не следовало бы. Как-то, еще до Петрина, он обратился к Тамаре Генриховне Марьяновской, концертмейстеру и знатоку балета и истории училища, с просьбой показать ее собственные критические

ЩЕЛКУНЧИК БАЛЕТ

По данным Центрального архива
Министерства обороны,
в Великой Отечественной войне
без вести пропало
без малого
шесть миллионов наших солдат.
Смею утверждать,
что большинство из них
никуда не пропадали...

Фото
Александра ГРАЦЕНКОВА

СОЛДАТСКОЕ ИМЯ

Александр ОРЛОВ,
корреспондент
Новгородского радио

Троекратный залп ружейного салюта разорвал тишину, и эхо метнулось к темнеющему на западе лесу. Показалось, что там все еще продолжается бой и нам теперь предстоит дойти, доползти, дотянуться до рубежа, к которому шли те, кого мы сейчас хороним.

Комья рыжей глины падают на красные крышки гробов. Яма вместила в себя останки почти тысячи человек. Небо расплакалось холодным дождем, а мне кажется: это солдатские матери, жены да невесты плачут над своими родимыми, единственными...

Только на территории Новгородской области до сих пор лежат непохороненными около четырехсот тысяч советских воинов. И таких мест много: Смоленская, Калининская, Мурманская, Псковская области, Карелия, многие области Украины и Белоруссии. Наверное, каждому известен разъезд Дубосеково, где в сорок первом насмерть стояли герои-панфиловцы. А знаете ли вы, что в окрестностях разъезда многие могилы советских солдат заброшены, причем не в глухих лесах и перелесках. В не покинутых еще деревнях.

В октябре прошлого года там и проходил очередной слет Всесоюзного координационного совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ. Участники слета перезахоронили из за-

брошенных могил останки нескольких сотен неизвестных защитников Москвы. Меня потрясло увиденное в деревне Хворостинино. Жители подвели нас к невысокому пригорку на околице и показали бетонную плиту, едва видневшуюся из земли: «Здесь братская могила наших солдат. В пятидесятых годах с нее бульдозером срыли памятник. А вон там — вторая. На ней вообще памятника не было...»

В родной моей Новгородской области захоронением павших воинов занимаются следопыты поисковой экспедиции «Долина» Новгородского обкома комсомола. Экспедицию поддерживают местные советские и партийные органы. За два года работы «Долина» предала земле останки почти десяти тысяч солдат и офицеров. Но остались нелюбимыми еще сотни тысяч. Уже почти полвека ждут своей очереди (как ни кощунственно это звучит!), но, видно, не скоро она подойдет... Создается впечатление, что давно списаны они со всех счетов: пропали без вести — какой теперь спрос?

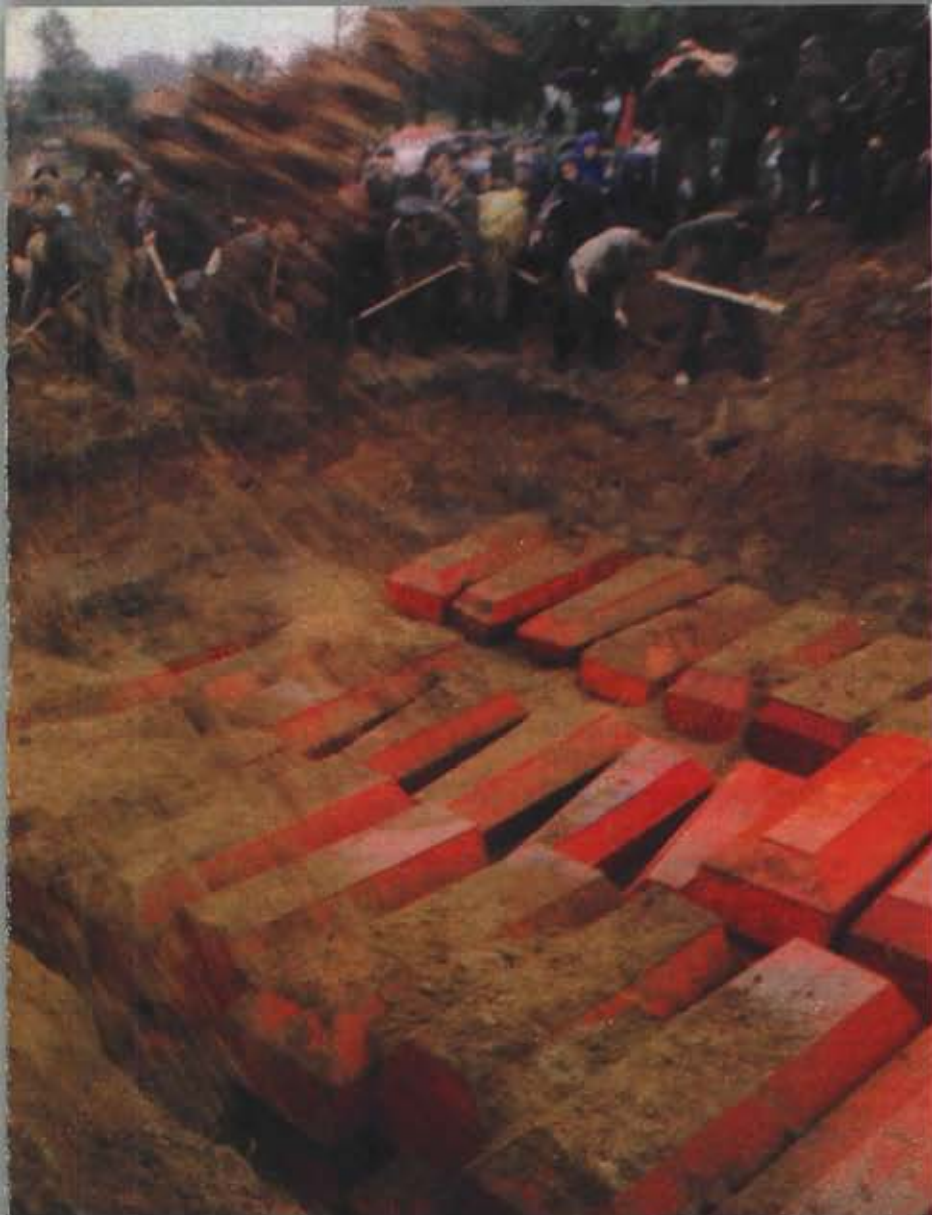
...Звучит клятвенное: «Никто не забыт, ничто не забыто», — и за этим шумом неслышным становится плач матерей и жен солдатских, так и не дождавшихся иной, чем казенная бумага, весточки: «Пропал без вести».

Шли весенние, летние, осенние дожди, выпадал и таял снег, мокли в солдатских медальонах бумажные вкладыши, стирались одно за другим тысячи солдатских имен. И теперь их уже никто не установит. Когда вырастает очередной холмик над братской могилой, появляется на нем табличка с десятком имен. Ниже — надпись: «Здесь покоятся останки тысячи ста неизвестных...» Или: «трех тысяч семидесяти семи неизвестных...».

Сегодня удастся установить примерно каждое сотое солдатское имя. Всякая публикация о находках «Долины» вызывает поток писем, в которых только один вопрос: помогите найти, помогите узнать хоть что-нибудь... Большинство вопросов остается без ответа...

Найденный медальон — это всегда событие. В наших руках оказывается тонкая ниточка человеческой жизни. Доведет ли она до конца, эта ниточка? Расплывшиеся чернила, стершийся карандаш, раскисшая от многолетней сырости бумага... Во многих случаях не способна помочь никакая криминалистическая экспертиза. Время безжалостно. Каждое установленное сегодня имя — ценность, которую невозможно измерить.

Работа эта невозможна без энтузиазма, как невозможна она и без серьезной поддержки — материальной и технической. Но те, от кого она

Давно пора понять, что многие болезни нашего общества «проросли» на костях брошенных и забытых солдат.

Отряхивая с ног их святой прах, мы шагали в светлое будущее, но по такой дороге к свету не придешь.

Забвение мстит унижением духа, неверием...

Надо искать, надо лезть в воронки, в болота, в грязь, засыпанные траншеи.

Откапывая их, мы спасаем самих себя.

Ибо живем мы на земле, озаренной солдатским плавлгом.

зависит, похоже, не очень-то торопятся оторваться от полированного кабинетного стола.

Постановления ЦК КПСС, документы ВЛКСМ, Министерства обороны о помощи следопытам носят скорее рекомендательный характер. Местные власти их часто просто игнорируют. Имел возможность убедиться в этом, участвуя в работе комиссии, проверяющей выполнение постановлений ЦК КПСС. В нескольких райкомах партии Новгородской области, где мы побывали, его не только не торопились выполнять, но и с трудом нашли...

В прошлом году появилась директива Министерства обороны о передаче поисковым отрядам и военно-патриотическим клубам списанной, но пригодной к использованию военной техники, оборудования и снаряжения. И что же? Нашей экспедиции дали несколько радиостанций и миноискателей, но из них только единицы способны работать, а остальное просто ненужный армии железный хлам. Впрочем, нам еще грех жаловаться, ведь мы получили четыре гусеничных вездехода, машины высокой проходимости на колесном ходу. Кроме этого, нам выделяют армейскую технику, прикомандировывают саперов, водителей. Подавляющее большинство поисковых отрядов не имеет и малой доли того, что «перепало» нам. Но рискну сказать, что и этого недостаточно. Ведь захоронить надо по меньшей мере полтора миллиона (!) погибших воинов.

Под силу ли это следопытам? Давно исчезла из местного бюджета статья расходов, предусматривающая погребение останков погибших солдат. (Кстати, была ли она вообще?) А похороны — даже такое — дело (простите меня, погибшие), требующее денег. Десятков тысяч руб-

лей. Найти их в тощем бюджете исполкома очень и очень сложно, и каждый председатель может «отбрить» следопытов, что часто и делается.

Например, в Новгородской области в Парфинском районе polegли многие тысячи бойцов и командиров Северо-Западного фронта. По инициативе райкома комсомола здесь создали военно-патриотический отряд «Долг». Ребята нашли останки нескольких десятков погибших бойцов, но предрика не дает (!!) участка земли для солдатской могилы: и без того, мол, кладбищ много...

Сейчас на помощь следопытам наконец-то начинает приходить армия. Правда, не совсем понятно, почему не наоборот — разве не святой долг армии предать погребению тех, кто встал на защиту Родины?! Следопыты могут и должны выступать в роли проводников, а армия с ее вполне достаточным для такой работы оснащением, по-моему, могла бы делать все остальное. Не хочется походя обижать армию, но, по моим наблюдениям, она явно тяготеет к асфальту и не хочет лезть в болота, где воевали деды сегодняшних солдат.

Впрочем, бывают и исключения. Вспоминаю капитана Валерия Аксенко. Первый раз он оказался с нами, следопытами, почти случайно. А второй раз сделал все, чтобы его отпустили с нами в поиск. Он готов был пройти десятки километров, чтобы только найти еще одного, забытого на сорок семь лет, солдата. Валера был в Афганистане, подрывался на mine, чудом выжил — путь по болотам давался ему ценой непроходящей боли, но где-то здесь пропал без вести его дед, и, кто знает, может, своими руками вынес его — его внук, капитан Аксенко, вместе со многими безымянными солдатами...

В ПРАВОСУДИИ ОТКАЗАННО?

Со старшим следователем по особо важным делам при прокуроре РСФСР Евгением МЫСЛОВСКИМ беседует специальный корреспондент «Смены» Юрий РАГОЗИН

— Евгений Николаевич, вначале о вашем последнем расследовании. Я имею в виду дело об убийстве журналиста из Чувашии Николая Никифорова. Полгода назад в нескольких центральных газетах появилась версия о причастности к этому местной «мафии», которая отомстила репортеру за его критические выступления. Более того, речь в публикациях шла о том, что идейным вдохновителем преступления был партийный работник. Думаю, не случайно в Чувашию направили именно вас, специалиста по делам, связанным с организованной преступностью. К каким же выводам вы пришли, закончив следствие?

— Судя по всему, Николай Никифоров был действительно хорошим партнером и смелым журналистом. Он действительно критиковал, невзирая на лица. И поэтому легко объяснимо то, что его коллеги из Москвы, заигнорированные слухами, не разобравшись в деле, заподозрили заговор. Ни в коей мере не желая принизить достоинств Николая Никифорова, должен заявить, однако, что никакой мафии в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, в поселке, где он жил, нет, и погреб журналист отнюдь не в результате смерти.

А дело было так. Никифоров пришел в гости к своему товарищу. Тот вернулся из отпуска; наверное, было о чем поговорить. Друзья выпили. По дороге домой Николай подсел в машину к знакомому шоферу, в которой находился еще один человек. Шофер был сильно пьян. Между ним и журналистом возникла перепалка. Когда все трое во время остановки вышли из машины, простите за подробности, справиться нужно, между Никифоровым и шофером завязалась драка. Шофер схватил Никифорова за концы шарфа и сильно потянул. Когда же он отпустил шарф, журналист был мертв. Второй пассажир находился в это время за машиной и ничего не видел.

Вот такая нелепая смерть. С самого начала эта история была окутана ложными слухами. Усугубляло положение то, что в районе не любили своего первого секретаря райкома. Люди знали, что Никифоров критиковал в своих статьях руководителей, а тем, конечно, это не нравилось. Какой напрашивается вывод? Мафия отомстила! Публикации в центральной прессе накаляли обстановку. Дело доходило чуть ли не до демонстраций. Кстати, разговоры о таинственной смерти одного из товарищей Никифорова, о чем сообщалось в печати, тоже беспочвенны: тот скончался задолго до описываемых событий, и мафия тут тоже ни при чем...

— Мафия стала притчей во языцех, на нее пытаются многое сва-

лить. Так получилось и в деле о гибели Никифорова. Но давайте поговорим о реально существующей организованной преступности. Общаясь со следователями, я не однажды слышал от них о том, что мафия предприняла мощные контрмеры против правоохранительных органов.

— ...Замешательство длилось недолго. Вскоре после того, как в 1983 году было возбуждено несколько уголовных дел против мафиозных группировок, все коррумпированные слои начали объединяться.

— Чем это было вызвано?

— Почувствовали реальную опасность. А лучшая защита — нападение. И мафия нанесла удар по следственному аппарату и принципам предварительного следствия. Орудием для этого удара она сделала суд.

— Вы хотите сказать, что мафия может оказывать влияние на суд? Но как?

— Нет худа без добра. Помните, несколько лет назад начались разговоры о гуманизации правосудия? Идея-то сама по себе правильная. Гуманизация — это прежде всего дифференциация наказания, а отнюдь не «иди и грабь дальше». Так вот, этой благородной идеей и воспользовались «белые перчатки мафии». И через суды стали проповедовать, а главное, проводить под этим лозунгом политику бездействия. В духе гуманизации и взятку можно рассматривать как подарок, да и вообще ее трудно доказать... Конечно, прямо никто не говорил: не трогайте расхитителей и взяточников! Но ведь эту же мысль можно преподнести и более изящно: получше проверяйте факты, проводите побольше дополнительных расследований, с максимальным вниманием относитесь к показаниям подозреваемых: мало ли что там следователи накопают... Если не хотите прослыть противниками идей о гуманизации и, соответственно, если вам дорого ваше место, — поменьше судите, а значит, и взяточников и расхитителей в том числе.

Те, кто вел борьбу с организованной преступностью, вдруг ощутили мощное сопротивление со стороны судей. В кулуарах судебных инстанций пошли разговоры о каком-то указании руководства Верховного Суда СССР о гуманизации судебной политики и изменении критериев доказательств... Роль добытых следствием доказательств принялась порой до полного их отрицания. Под любым предлогом стали возвращать дела на дополнительное расследование. Приговоры начали выносить с какими-то опасениями... Тенденция эта определилась, на мой взгляд, к началу 1986 года.

Пример? Пожалуйста. Один из рядовых расхитителей обвинялся в совер-

шении хищения государственного имущества на сумму более 600 тысяч рублей и неоднократной даче взяток. Во время следствия он давал подробные показания о способах хищения и перераспределении похищенных сумм между разными этажами власти. Однако в судебном заседании неожиданно отказался от своих показаний. Дело направили на доследование. Преступник цинично заявил: мы, мол, читаем газеты, знаем нынешнюю практику судов. Стоит только сказать, что показания добыты следователем незаконным путем, — суд тут же направит дело на доследование, а нам будет послабление...

Так под маской укрепления соцзащиты началась борьба с отработанными методами сбора и оценки доказательств. Делалось все возможное, чтобы вообще не дать разоблачить крупных взяточников и расхитителей.

...Бывший ректор института К. оказывал молодым людям содействие не только в приеме в институт, но и в их дальнейшей учебе. Небескорыстно, конечно. Однако, по мнению Верховного суда РСФСР, подарки, которые он получал, взятками не являются! Ибо не ясно, за какое конкретное действие он их получал. Именно поэтому судебная коллегия исключила из обвинения К. несколько эпизодов, а зам. председателя Верховного суда СССР С. И. Гусев поручил члену военной коллегии Верховного Суда СССР М. Марову подготовить протест по делу.

— Странно, почему протест по делу штатского человека готовит военный судья?

— Я не знаю ответа на этот вопрос. Напомню только, что именно Маров через полтора года после этого суда вынес совершенно необъяснимый, на мой взгляд, с юридической точки зрения приговор по делу Чурбанова.

Итак, протест, естественно, удовлетворили. Дело по обвинению К. во взяточничестве прекратили за недоказанностью! Получение подарков не рассматривалось даже как злоупотребление служебным положением. Курс судебных инстанций был показан... Ну, а рекомендации давались на самом высоком уровне. Так, например, в 1987 году в одиннадцатом номере журнала «Человек и закон» вышла статья «И по закону и по совести». Написал ее бывший тогда председателем Верховного Суда СССР В. И. Теребилов. Приведу цитату из нее: «...все материалы предварительного расследования должны быть тщательно проверены в суде, и только те из них, которые найдут в суде свое подтверждение, могут быть положены в основу приговора...»

— Но вроде все логично. Суд и должен проверять. Хотя фразу

о «подтверждении в суде» можно, наверное, толковать двояко.

— В том-то и дело! А суды почему-то предпочитали истолковывать ее именно в прямом смысле!

— То есть, если подсудимый или свидетель подтвердили данные ими на следствии показания, значит, они нашли свое подтверждение в суде. А если...

— не подтвердили, — не нашли.

— Как все просто!.. Но если истинно является только то, что сказано в суде, тогда зачем вообще нужно предварительное следствие?

— Я тоже задаю себе этот вопрос...

Исвращался и принцип презумпции невиновности. Прокурор и суд требуют именно признания обвиняемого! Нет признания — нет вины. Только признание гарантирует от судебных ошибок!..

— Но ведь признание может быть и самоговором.

— Таких случаев сколько угодно! Получилось, что правосудие повернулось своим острием против случайных преступников, которые, веря в справедливость, рассказывают правду о совершенном ими деянии. Зато матерые преступники стали легко уходить от ответственности.

Двадцать седьмого мая 1988 года «Правда» опубликовала отчет о деятельности Верховного Суда СССР, с которым на сессии Верховного Совета СССР выступил Теребилов. Он преподнес политику бездействия как огромное достижение гуманизации правосудия.

«Перестройка работы Верховного Суда СССР», — цитирую, — шла в направлении более тщательного изучения дел, более требовательного подхода к оценке материалов предварительного и судебного следствия... В 1987 году в стране было осуждено на 380 тысяч человек меньше, чем, например, в 1984-м. Конечно, это не только результат снижения преступности, здесь сказались и более широкое применение административных мер и амнистии, и некоторые другие причины... В 1987 году примерно на одну треть сократилось число лиц, осужденных за тяжкие преступления. Это тоже можно отнести в актив перестройки...»

— Извините, перебыю. Данные МВД, публикуемые в этом году, говорят о сильном росте преступлений, в частности, тяжких. Какое-то странное противоречие: преступность растет, а судимости сокращаются! И это записывается в актив перестройки?..

— Так и я о том же! Идем дальше. Несомненно, что за последние годы суды стали более требовательно относиться к оценке материалов предварительного следствия... Уровень назначения наказания в виде лишения свободы

снизились в 1987 году по сравнению с 1984 годом с 49 до 34 процентов. По моему мнению, это тоже правильная тенденция...

Обратите внимание на последний тезис. Ориентируясь на такую практику суда, прокуроры стали отказываться в санкциях на арест даже при совершении тяжких преступлений, ибо арест на предварительном следствии без последующего осуждения к лишению свободы начали расценивать как грубое нарушение законности.

— Но ведь изоляция подозреваемого в опасном преступлении на период расследования — мера, предусмотренная законом и проверенная на практике! Мера пресечения не только преступной деятельности, как я понимаю, но и возможного противодействия расследованию.

— Все верно. Но вот, прекрасно сознавая, что неприменение ареста может привести к отрицательным последствиям, прокуроры, напуганные «гуманистами» от суда (зачислят в лагерь антирепрестройщиков!), стали защищать исключительно личную безопасность и перестали давать санкции не только на арест, но и на продление сроков содержания под стражей преступников. Теребилов же утверждал, что следователь облегчает арестом себе работу.

— А разве это в общем-то не так?

— Но делает-то следователь это не для личного удовольствия! Получается, расследуя тяжкое преступление, сначала я должен создать себе трудности — дать возможность мешать, обрабатывать свидетелей и потерпевших, скрыться или совершить новое преступление — и только тогда могу активно работать по преодолению созданных мной же самим трудностей? Так?..

Только в РСФСР за 1988 год 28 тысяч обвиняемых, дав подписку о невыезде, скрылись от следствия...

Но как же избавиться от «патологического» желания следователей арестовывать обвиняемых?.. И в 1987 году был издан соответствующий приказ, а к нему устное приложение. Дело дошло до трагикомических случаев. Осенью 1987 года пьяный хулиган напал на работницу отдела милиции по охране метро. Преступник проломил ему череп, забрал его оружие, но вскоре, слава богу, был задержан. А прокурор Московского метрополитена И. Михеев, проявив «гуманизм», взяв под стражу преступника не счит нужным! Через два дня после того, как об этом рассказал «Труд», зам. московского транспортного прокурора Г. Попов сообщил газете, что после выступления «Труда» в 13 часов 13 минут он санкционировал арест преступника. Выходит, если бы не газета, то бандит так и остался бы на свободе? Кто же надзирает за законностью — прокурор или газета?

«...Как правило же, до суда человек должен оставаться на свободе, — разъяснял Теребилов в интервью «Литературке» весной 1988 года. — А как действуют некоторые следователи? Сперва арестовывают человека, а уже потом начинают активное расследование...»

— В судах, наверно, должны были воспринять эту фразу как практическое указание к действию?

— А так и было!

Безарестной технологии более трех лет. Результаты ее хорошо известны. Но, пожалуй, самое страшное то, что за это время воспитался новый вид следователей. Они не желают думать и принимать решения. А зачем? Если дела стали потоком возвращать на дознание и это ставят в вину следователям, то, понятно, чтобы избежать неприятностей, они стали превращаться в обычных оформителей бумаг — что кто скажет, то и запишу, а решения принимать не буду.

— Но следователей упрекают в том, что они, бывает, арестовывают и невинных людей. Конечно, никому не хочется оказаться в изоляторе. Поэтому вполне понятно возмущение невинно задержанных...

— Давайте разберемся. Представьте себе такую ситуацию. К вам подходит хорошо знакомый человек и просит подержать его «дипломат», пока он купит газеты в киоске. Вы соглашаетесь. И тут неожиданно появляются сотрудники милиции и надевают вам наручники. Спрашивают: чей «дипломат»? Вы отвечаете. А вам предлагают пройти... В «дипломате» — крупная сумма денег. Оказывается, за вашим знакомым следили. Но вы-то ничего не знаете! И, естественно, негодуете. Это один вариант. А вот второй. Где гарантии, что вы не договорились с приятелем-соучастником о встрече заранее и чемоданчик попал в ваши руки не случайно?

Следователь постоянно работает с информацией на грани риска! Если вы действительно ничего не знали о содержимом «дипломата», можно сказать, что вас взяли незаконно. И если вы проведете под арестом какое-то время, то это тоже незаконно. Но ведь до проверки обе версии равноценны!

Не забывайте и того, что вопрос об аресте решает не следователь, а прокурор.

Когда пошла волна обвинений в адрес следствия, то количество арестов резко снизилось. Это что, гуманизм? По отношению к преступнику — да. Иные журналисты упрекают следователей в том, что, дескать, работают они с обвинительным уклоном. Так ведь наше дело — расследовать, искать улики. С защитительным уклоном работают адвокаты!

— Есть такая поговорка: лучше оставить без наказания десять виновных, чем наказать одного невинного...

— А я считаю ее в принципе неправильной! Займемся арифметикой. Допустим, пять тысяч следователей в соответствии с этой «формулой» не задержат по десять виновных каждый. Получается: пятьдесят тысяч преступников на свободе. Каждый из нераскрытых преступников, по статистике, успевают совершить десяток преступлений до того, как его поймут. В итоге — полмиллиона преступлений. Вы хотите попасть в число потерпевших?.. Поговорка эта — чистая демагогия. Да, красиво звучит. Но нельзя сопоставлять несопоставимое — преступника и невинного. Однако, конечно, и невинные не должны подвергаться наказанию.

— Что ж, убедительно. Но следователей упрекают не только в том, что под арест попадают иногда невинные, но и в том, что следствие, бывает, ведется очень долго.

— А вы не обратили внимания, каких следователей упрекают в этом? Не тех, кто расследует дела об убийствах или кражах. А тех, кто занимается расхитителями, взяточниками, организованной преступностью.

А есть ли вообще критерии — что такое «быстро» и «долго»? Думаю, срок два месяца взят с потолка. Экономических, научных расчетов у нас нет. Есть практика. Скажем, если следователь занимается одним уголовным делом о хулиганстве, то может завершить его за три дня. А закон дает на это десять. Потому, что у следователя не одно дело в работе.

Во Франции под следствием люди могут находиться до двух лет. В Италии, где срок содержания сейчас сокращен, — до шести.

В хозяйственных делах, например, чтобы проверить только две-три позиции документации предприятия за год, нужно минимум три месяца. Плюс на судебно-бухгалтерскую экспертизу — еще три. А если учесть то, что у нас теперь все отказываются от своих же показаний и это всем сходит с рук...

— Но если человек обвиняет другого в тяжком преступлении или, например, в том, что давал ему взятки, а потом на суде отказывается от этого, то ведь это...

— ...клевета! Уголовно наказуемая.

— Почему же судьи не возбуждают дело, видя, что свидетель или обвиняемый лгал на предварительном следствии?

— Так надо же тогда принимать ре-

шение. А вдруг потом обвинят в негуманности? А клевета отнесена к разряду мелких преступлений. Но, уверен, посади такого свидетеля за клевету, он расскажет, под чьим нажимом поменял показания...

Адвокаты охотно поддержали идею «гуманизации» и принятия в качестве доказательств только показаний, данных в судебном заседании. Эту идею подхватила пресса под лозунгом «Создать для судей независимость!». Так порочная идея превратилась в политику, которую стали осуществлять «независимые» судьи, любое, даже абсурдное указание своего руководства ставящее выше закона.

Правда, высокие авторы этой идеи не предусмотрели того, что суды воспримут все указания очень буквально и будут применять «новые методы» не только по отношению к взяточникам, но и вообще ко всем преступникам. Суды наперегонки стали выносить оправдательные приговоры, а пресса — восхвалять именно таких судей.

Конечно, не все судьи переступили через свою совесть. Те дела, по которым подсудимые изменяли свои показания слишком очевидно, честные судьи не могли завершить оправданием. Но и осуждать с учетом данных предварительного следствия не хватало мужества. Ведь выстоявшие суды бдительно следили за выполнением указания Верховного Суда СССР!

«Белые перчатки мафии» очень точно рассчитали удар. Когда началась пропагандистская кампания, призывающая судей расценивать все изменения показаний в суде как злодеяния следователей, на этом основании стали требовать увольнения следователей, если суды разошлись с ними в оценке доказательств. Пошли призывы не рассматривать дорогие подарки как взятки, запустили термин «бескорыстный преступник», стали рассматривать взятки как злоупотребление служебным положением. Бывший Генеральный Прокурор СССР А. Рекунов, поддавшись этому нажиму, уволил около тысячи следователей. Стоит ли удивляться тому, что те, кто выжил, больше думали о сохранности собственной головы, чем о борьбе с преступностью?

Сейчас все вдруг заговорили о незащищенности милиции. Твердят про инструкции, по которым надо сначала стрелять вверх, если даже твоей жизни угрожает смертельная опасность. Но при чем тут инструкции? У нас есть Уголовный кодекс — закон. Сопротивление милиционеру — статья! Посягательство на жизнь — статья, еще более строгая. Почему же не исполняют закон и не возбуждают уголовных дел?

Вот в Закавказье, где происходят волнения, требуют чрезвычайных мер, а закон бездействует! Массовые убийства, взорванные мосты, разрушенные железные дороги, призывы к военным действиям... Разве законом не предусмотрено наказание за это? Много ли возбуждено уголовных дел? Единицы!

— Что же мешает применять закон?

— Как сказал Михаил Задорнов, непредсказуемость нашего прошлого. К примеру, судья судил раньше по 70-й статье, а сейчас его за это грязью поливают. Но ведь он-то закон исполнял! Вот нынешний судья и думает: а вдруг потом опять будут ругать?.. «Белые перчатки мафии» — тонкие психологи, они на этом и сыграли, но, повторяю, наверняка не ожидали такого исполнения указания — полного бездействия судов. Ведь получилась цепочка: милиция не забирает, следователь не расследует, суды не судят... А это — одна из причин разгула уличной преступности.

Незащищенными оказались не только милиционеры, но и свидетели, и следователи. Безопасность свидетеля, обеспечение объективности его показаний — одно из самых слабых мест правосудия. Причем открытый шантаж не прекращается даже после осуждения, поскольку, если свидетель или потерпевший изменяет показания в период надзорного рассмотрения дела, суд мо-

жет изменить или отменить приговор. И рождаются «внезапные прозрения» свидетелей и потерпевших, которые после суда начинают рассылать слезные заявления с просьбой изменить меру наказания.

Наглые акции применяются и против следователей. В последнее время увеличился поток грязных домыслов, оскорблений в их адрес. Обличитель просто подмывает встать в скорбный ряд с жертвами тридцать седьмого года... И это — не отдельные нападки, а хорошо спланированная акция. Задача — дискредитация следствия как системы, которая мешает мафии контролировать проходящие в стране изменения.

...В правосудии было отказано не только рядовым гражданам, потерпевшим от преступления, но только государству, но и тем, кто по долгу службы охраняет их интересы, попираемые преступником.

Достигнет ли удар «белых перчаток мафии» своей цели — покажет будущее. А пока он вызвал совершенно обратную реакцию. Ретроспективный анализ деятельности бывшего Председателя Верховного Суда СССР, так удачно направлявшего судебную перестройку в нужном для взяточников направлении, заставил поинтересоваться его личностью. Внезапно открылось то, что, в сущности, и не скрывалось, но и не афишировалось. Теребилов на протяжении четырех созывов бесменно избирался депутатом Верховного Совета СССР от Ферганской области, одной из наиболее коррумпированных областей Узбекистана.

Может быть, я ошибаюсь, когда пытаюсь связать воедино разрозненные ниточки: возбуждение в 1983 году уголовного дела против начальника ОБХСС Бухарского УВД Музафарова, переросшее затем в дело о взяточничестве в партийных органах; назначение в 1984 году Председателем Верховного Суда СССР В. И. Теребилова и последовавший через год «революционный» пленум Верховного Суда СССР, разваливший правосудие, и закулисные судебские махинации вокруг дела Музафарова, и общее сокращение дел о взяточничестве, и тенденция работы судов во спасение дельцов теневой экономики, и недоверие следствию, и фальсификация приговора по делу Чурбанова, и внезапное прозрение членов Верховного суда по делу Хинта...

Мафия не сложила оружия и оказывает сильное и эффективное сопротивление.

— И что же делать?

— Борьбаться с этой политикой! И первая ласточка — надежда на перемены — уже есть. Верховный Суд СССР осудил Худайбердыева, бывшего Председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана, за взяточничество к 9 годам лишения свободы. Несмотря на то, что он отказался от данных ранее показаний, а Чурбанов отказался от того, что получил от него крупную сумму денег, хотя прежде в этом признался. Суд оценил все доказательства, в том числе и следствия, а не только показания преступников.

— Значит, закончить беседу мы можем на оптимистической ноте?

— По крайней мере для этого появились некоторые основания.

И в качестве заключительного аккорда. Критика сейчас справедливо перекладывается на работу судов. Но как бы не получилось так, что маятник в эту сторону качнется очень сильно, то есть как бы суды не впали в другую крайность — не стали бы осуждать всех подряд...

ОТ РЕДАКЦИИ. Картина, которую нарисовал Евгений Мысловский, тревожна. Его высокий профессионализм не вызывает у нас сомнений. Но, наверно, не все аргументы и выводы Евгения Николаевича бесспорны. Мы готовы предоставить возможность высказать свое мнение на страницах «Смены» и другим работникам правоохранительных органов.

Наталья НИКОЛЕНКОВА,

25 лет, журналист,
Барнаул

Я от ненужных дружб,
как от больниц, устала.
Смотри на мир, дурак,
оттаяло окно,
Смеются зеркала, летают одеяла,
Все лица королей
сливаются в одно.
Друзья — колода карт,
разбитая колода.
Опять одна? Не плачь,
до свадьбы заживет.
И только пошляки шепнут:
«Чего угодно?..»
И только дама пик,
оскалясь, подмигнет.

Владимир МЕЛЬНИКОВ,

29 лет, инженер-наладчик,
Уфа

ПИКНИК

Конечно, сморщилась немножко,
И все же в предвкушении пира
В углях печенная картошка
Не запятнала честь мундира.

Уже чуть раньше прибыл вечер,
Торжественный, как на банкетах,
Заполыхали чьи-то речи,
Что напечатаны в газетах...

Но быстро прогорит газета.
И я рукой царя и мота
Слова швыряю в ночь и лето
Роскошно, трезво и без счета.

Татьяна ШОРОХОВА,

33 года, преподаватель истории,
Симферополь

Поговорим о чем-нибудь другом —
Общедоступном и лицеприятном,
Где каждый штрих заранее знаком,
И сердцу все равно, и слову складно.
А ты опять былое ворошить
Пытаешься — и сразу, и не к месту!
Угомонись и не бросай гроши
В сухой бассейн
раскалявшимся жестом.
Мой день не собирается в сюжет —
Обломки жгут и непосильны крохи.
Фальшивый смех
и подлинные вздохи
Нам достаются от цемных лет,
Где есть вина, а виноватых нет.
Поговорим о чем-нибудь другом,
Обсудим нашумевшие романы,
Погоду, цены и чужие страны,
Лишь о себе — так лучше! —
не рискуем.
Поговорим о чем-нибудь другом...

Тамара РУБЦОВА,

воспитатель детского сада,
г. Юрга Кемеровской обл.

РУСЬ

Вижу я тебя не пьяной,
Не распятой на кресте,
Не матрешкою румяной,
Не цветами на холсте.
Высока, простоволоса,
Ты проходишь сквозь туман —
Руки голы, ноги босы,
Тесен легкий сарафан.
Что ж ты встала у откоса,
Птицей белою паря,
Иль не веришь в зрячий посох
Своего поводыря?

Борис АРХИПЦЕВ,

39 лет, переводчик,
Коломна

И Тициан, прожив сто лет почти,
И Галуа, погибший на рассвете,
Все старики, все юноши, все дети
В конце разновеликого пути;

И мотылек у огненной черты,
И голубь робкий, угодивший в сети,
И нежный ландыш
в скомканном букете, —
В свинцовый час
последнего «прости»

Любой из нас,
бессчетных чад природы,
Окинув мыслью прожитые годы,
Воскликнет горестно и горячо:

«Как это горько! Как несправедливо!
Я мало знал, хоть жил я торопливо.
Я мало жил...
еще чуть-чуть, еще...»

Анна ПАРЧИНСКАЯ,

библиотекарь,
г. Пионерский Калининградской обл.

В МУЗЕЕ

В океане времен пенятся волны,
плещут, выносят на берег вещицы:
обломок этрусской вазы напольной,
шпильку китайской императрицы,
медный ларец, сестерциев полный, —
надпись на крышке: «Луций Домиций».

А между тем океанский прибой
волнами вкрадчиво
плещет все ближе,
время нам ноги усталые лижет,
миг — и смыкается над головой.

Годы над нами — зеленой водой.
Пухом нам будут ушедшие даты.
Судьбы, разъятые на экспонаты,
будет выплескивать новый прибой.

Анатолий КУЗНЕЦОВ,

33 года,
служитель церкви,
г. Талица Свердловской обл.

...С неловкостью теперь
читаем их —
Как неживы, скучны, совсем чужие.
Они — скелет, примеривший парик
На мертвых полушариях плешины.
Наверно, дьявол крепко искушал.
Ах, как хотелось
выйти в Златоусты...
И не стихов, конечно, этих жаль,
А жаль несостоявшегося чувства.

Александр ФЕСЬКОВ,

28 лет, учитель физкультуры,
Ташкент

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Есть в природе сила
Божья неспроста —
«Поздравляю с сыном!» —
На клочке листа.

«Солнце, вашу яркость!
Ну-ка мне — бегом!»
Буквы сикось-накось,
Ку-
выр-
ком!

Мир ты мой мажорный!
Стоп! На час хотя б, —
Костей или Жорой
Мне назвать дитя?

Как запеленали?
Спи да не крутись!
Слышь, Апполинарий
Или Феоктист?

Ах, душа клокочет:
Во втором окне
Вечности кулечек
Улыбнулся мне.

Эдуард СУЕТИН,

44 года,
врач,
Новосибирск

Пол мыться любит,
как ребенок.
Лишь капли первые блеснут —
и слышен смех Наташ, Аленок,
которые играли тут.

И если вдруг
взмечнут брызги,
как будто сочных ягод гроздь,
квартира тонет
в детском визге
и высветляется насквозь.

Александр ОРЛОВ,

25 лет, актер,
Мытищи

На зеленой горе
в домике
из грецкого ореха,
что у самого берега
большой дождевой капли,
тихо живет
маленький страж
собственного эха,
обладатель
коллекции
уникальных закатов.

Елена ГОРЯЧЕВА,

экономист,
Москва

РАЗВОД

Мой муж нелепый, как и все мужья,
С которыми я в загсе отмечалась,
Стоял, облокотившись на ограду
Нелепую, как будто бы из труб,
Могила, расположенной нелепо.
Она была завалена цветами.
Был поздний вечер.
Дождь, темно и тихо.

Мой муж — обыкновенный человек,
Он даже не технар —
он физкультурник,
Случайно познакомились мы где-то,
Мальчишка глупый,

вроде не поэт,
Но так бывает — инструмент поэта:
Заденешь ненароком в суете —
И стонут струны.

Колокол ударил,
Потом те, что поменьше, зазвонили.
Был поздний вечер.
Дождь, темно и тихо.

Наутро мы с ним в загс пошли,
и нас,
Как мы того желали, разлучили,
Все по закону:

чиркнули в тетрадь,
И в паспорта поставили печать,
И даже о причинах не спросили.

А вечером мы вновь пошли
к могиле,
И я сказала, что люблю поэта,
Который под цветами и который
Талантливей тебя, красивей,
старше.
(Чуть-чуть постарше и чуть-чуть
красивей.)

Но гений, гений,
как тягаться с ним?!)
Еще я говорила: «Стих! Россия!
А ты — ты просто верный
семьянин».

Он вдруг заплакал. Я не утешала,
Лишь ветер слов бессмысленных
сдержала
Да дождь молила,
чтоб не перестал,
И думала: «Как все же я нелепа».

Наутро чуть не в десять встали мы,
И опоздали оба на работу.

Сергей ВЕСЕЛОВ,

электромонтер,
Воронеж

Туман окутал рыжий лес,
и луг задумчивый,
и поле.
Туман собою все наполнил
от озера и до небес.

И вот не угадать полян,
хотя и пахнет свежей хвоей...
Но все загадочнее вдвое,
когда рассеется туман.

Данила ПЕТРОВ,

17 лет, студент, Барнаул

СТРОЙКА

На ветреный город с крыши
смотрю,
где экскаватор засыпал зарю,

где об отбое поет молоток,
и на восток дрейфует песок,

дым сигарет застилает дома...
Скоро на стройку наступит зима.

Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем, дорогие друзья.

Признанный классик русской литературы и ее первый Нобелевский лауреат (1933), прозаик, поэт, переводчик, почетный академик по разряду изящной словесности Иван Алексеевич Бунин раньше других писателей-эмигрантов получил безусловное признание на Родине, в СССР.

«Классиком рубежа двух столетий» назвал Бунина К. А. Федин еще в 1954 году на II Всесоюзном съезде советских писателей. С той поры вышло уже три собрания сочинений Бунина. Бесчисленно публиковались книги его стихов и прозы. Целая библиотека создана усилиями отечественных и зарубежных исследователей, где Бунин поставлен в один ряд с Тургеневым и Чеховым.

И тем не менее существует целый пласт бунинских произведений, никогда на Родине не печатавшихся или же печатавшихся с купюрами, существенно искажавшими общий смысл и содержание.

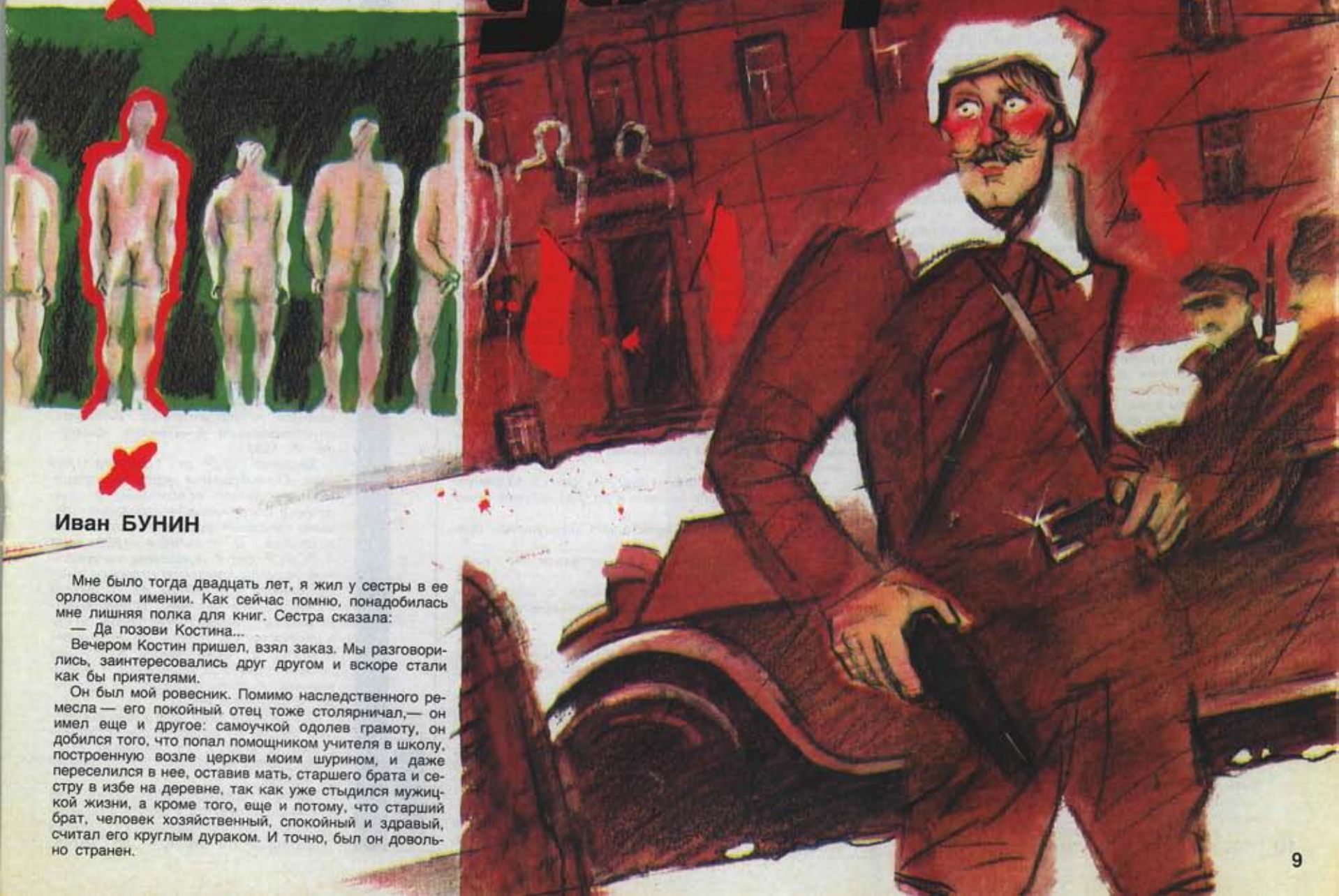
К числу рассказов, никогда у нас не публиковавшихся, относится и рассказ о гражданской войне «Товарищ Дозорный».

Он был очень высок и миловиден, слегка заикался и, как многие заики, цвет лица имел девичий и поминутно вспыхивал румянцем. Робок и застенчив он был вообще на редкость, больше секунды глядеть в глаза собеседнику никак не мог. Сразу было видно, что он живет в каком-то своем собственном мире, что он втайне съедает необыкновенным самолюбием, страшной обидчивостью и мучительной завистью совершенно ко всему на свете, из которой проистекало его другое удивительное свойство: ненасытное, чисто идиотское любопытство и обезьянство.

Видеться и говорить с ним было, в сущности, томительно. Он не говорил, а только все спрашивал. Вся его речь состояла из одних настойчивых и подробных расспрашиваний, выпытываний: что, как и почему? Он с наслаждением повторял всякий ответ и тотчас же ставил следующий вопрос. Держит какую-нибудь вещь, взятую для работы, для поправки или уже сработанную и принесенную, внимательно оглядывает ее, ощупывает, гладит своими большими руками — и мучит вас: расспрашивает буквально обо всем, чего бы случайно ни коснулся разговор, повторяет с удивительной и довольной улыбкой ответы и, видимо, даже на мгновение не сомневается, нужно это ему знать или

Товарищ дозорный

Рисунок Владислава ГУЗНЕРА

Иван БУНИН

Мне было тогда двадцать лет, я жил у сестры в ее орловском имении. Как сейчас помню, понадобилась мне лишняя полка для книг. Сестра сказала:

— Да позови Костина...

Вечером Костин пришел, взял заказ. Мы разговорились, заинтересовались друг другом и вскоре стали как бы приятелями.

Он был мой ровесник. Помимо наследственного ремесла — его покойный отец тоже столярничал, — он имел еще и другое: самоучкой одолев грамоту, он добился того, что попал помощником учителя в школу, построенную возле церкви моим шурином, и даже переселился в нее, оставив мать, старшего брата и сестру в избе на деревне, так как уже стыдился мужицкой жизни, а кроме того, еще и потому, что старший брат, человек хозяйственный, спокойный и здоровый, считал его круглым дураком. И точно, был он довольно странен.

не нужно. Притом он свято верил положительно всему, что ни скажи. Я раз пошутил, — в Америке все вши головы ходят, даже волосы у всех висят: он с удовольствием изумился, повторил и поверил. Вообще шуток он не понимал и не чувствовал совершенно.

И с утра до вечера, каждую свободную минуту, он чему-нибудь учился, неустанно обезьянничал: что ни увидит, что ни узнает, всему учится, всему подражает и всегда бесталанно, хотя и довольно точно. Чего только не умел он! Поправлял часы и гармонии, мой велосипед и лавочников аристон, переплетал книги и налаживал перепелиные дудки, на жилейках тайком учился играть и стихи писал... Всего и не упомянуть...

Конечно, он не пил, не курил, — тут его обезьянство уступало той женственности, которая отличала его натуру и, кстати сказать, производила впечатление довольно-таки неприятное; одевался со скромной порядностью, — тонкие сапоги, пиджачок, вышитая косоворотка, новенький картуз, — и даже носовой платок носил с собой. В руках неизменно железный костылик.

Школа стояла рядом с церковной караулкой. В большие праздники мужики, приходившие к обедне, дождались службы, курили и вели оживленные беседы всегда в караулке. Костин являлся туда раньше всех и внимательно слушал все, что говорилось, сам, однако, в разговор не вступая, сидя в сторонке, внимательно что-нибудь разглядывал — скалка, утюг, зазубренный топор, — и тая на губах чуть заметную довольную усмешку над мужичьей глупостью и болтливостью.

Я часто заходил к нему по вечерам: всегда дома и всегда что-нибудь прилежно работает. Горит тусклая лампочка на столе, а он сидит, гнется возле нее. Косоворотка навывпуск, подпоясана шелковым жгутом с махрами. Лицо чистое, худощавое, но круглое, глаза с белесой зеленью, оветло-желтые волосы, примасленные и причесанные на косой ряд, падают прядью на лоб. Увидя меня, дружелюбно оживает и тотчас же, слегка заикаясь и избегая глядеть в глаза, пускается в расспросы. Иногда вынимает из стола тетрадку и подает мне:

— Исть новенькие. Прочтите и обкритикуйте.

Я развертываю и читаю:

*Резвая струя в лугах бежит,
Есть у нее удачное название,
Как только пловца заманит,
А он погибнет без сознания...*

— Это опять акrostих?

— Акrostих. Выходит: река. Только, конечно, ять нельзя вставить.

Хорошо помню, как я зашел к нему в последний раз.

Быле поздняя осень, роковые дни для него и для меня — вот-вот надо было ехать в город, ставиться в солдаты. Наступила Казанская, оставалась всего неделя нашей свободы. Утром, чем свет, я, помню, пошел к обедне, зашел в караулку; еще горит лампочка, караулка полным-полна расцвеченными девками, бабами, мужиками и накурена, как овин; мужики галдят, а бабы и девки все поглядывают на пары под полатами, шепчутся и покатываются со смеху, валяются друг на друга; предмет смеха — обычный: Костин; он же сидит, опустив глаза, и что-то разглядывает; на голове высокая шапка серого барашка, на сапогах новые глубокие калоши, одет в новую теплую поддевку черного сукна, лицо алое от обиды, но на губах улыбочка...

А вечером я побрел к нему в школу. Грязь была страшная, тьма хоть глаз выколи. Сверху сыпалась и сыпалась мельчайшая мга. Я шел через сад, как слепой, чувствуя только одно — тьму, осеннее тепло, теплую, душистую тниль мокрых деревьев, их коры и щекоющую влажную пыль на лице. Наконец забелел туманный огонек впереди — знакомая лампочка на столе возле окна в школе — одинокий, единственный свет во всем селе, уже давно спящем мертвым сном. Костин спокойно сидел за работой — с явным удовольствием оклеивал тонкими пластинками фанеры чью-то шашечную доску.

А на его работу тупо и странно-весело, блестящими кофейными глазами, смотрела сидевшая за партой возле стены небольшая бабочка с кудряшками на крутом лбу, молодая жена церковного сторожа, — совсем бы ничего себе бабочка, если бы не ничтожный носик с заячьими маленькими ноздрями. Мне было не по себе, и я, притворяясь небрежным и шутивым, заговорил о том, что меня томило, — о поездке в город. Но, к крайнему моему удивлению, Костин совершенно не разделил моих чувств: напротив, его эта поездка очень интересовала и потому радовала.

— Ах, ннет, — сказал он, с увлечением продолжая работать и от этого почти не заикаясь: — Я бы, кажется, прприситься стал, если бы меня не взяли. Надеюсь непременно попасть в Царство Польское. Два шага до Ппарижа!

И вдруг прибавил, кивая головой на свою молчаливую и все только тупо улыбающуюся гостью:

— Вот она, по глупости, тоже оплакивает меня. Говорит — влюбилась. А сс какой стороны она может быть мне интересна?

Гостья страшно покраснела, смутилась и трогательно-неловко ответила:

— Уж хоть бы не брехал-то! Дюже ты мне надобен! Он только небрежно усмехнулся.

Через неделю мы поехали с ним ночью на станцию, к шестичасовому поезду. Я взял его к себе в тарантас. Он всю дорогу не спеша расспрашивал меня насчет военной службы в других странах, а тарантас качался в темноте и тумане, невидимые лошади шлепали по лужам, оступались в холдобины, полные воды и грязи. Перед станцией стало трудно и угрюмо светать, стали, приближаясь, обозначаться мутные холодные деревья в станционном дворе... Помню, долго ждали поезда, наконец показался вдали, в мертвенно-бледном рассветном тумане, белый, тяжело и густо клубящийся дым, потом черный паровоз, медленно выплывающий из мглистого моря осенних полей... И еще почему-то помню: рядом с тем вагоном, в который мы сели, был арестантский вагон с железными решетками в квадратных окошечках, и возле одного окошечка стоял, держась за решетку руками в кандалах, худой старик в пенсне на горбом носу, с красными веками; очень странно казалось это пенсне в соединении с каторжной фуражкой, с серым блином без козырька...

А в городе было великое множество деревенского народа, с громким и озабоченным говором идущего серединой улицы, возле же земской управы, где шел прием, весь день стояла густая толпа, и чего только в этой толпе не было! Плач, вой, причитания, крики родных, буйно и отчаянно дерущих свои гармонии, — вся эта дикая и жуткая балаганщина, в которую русский человек с наслаждением облекает свое горе, всячески разжигая его в себе. А в приемном зале, от самой входной двери, которая поминутно отворялась, в которую несло ледяной сыростью, и до самого присутственного стола, откуда раздавался необыкновенно звучный выкликающий голос воинского начальника, тянулась страшная шеренга голых тел, — коротконогих, худых (но неизменно пузатых), меловых, с коричневой сыпью от укусов тараканов на кострецах, там, где у каждого на теле была полоса от постоянно врезающейся оборки порток. Мы с Костиным пробрались вперед и тоже стали раздеваться. Воинский начальник, стоявший за столом, в кругу присутствия, перед серебряной пирамидой с Распятием, быстро взглянул на меня и что-то крикнул особенно звучно. Он был молод, красив, затянут в мундир, преисполнен энергии; короткие волосы его курчавились, длинные кудрявые усы торчали, светлые глаза зорким огнем освещали лицо. Костин, сидя и стягивая с себя сапог, замер и, весь алый от натуги и волнения, радостным шепотом спросил меня:

— Он самый главный и есть?

Через час его забрали. А через полмесяца мы с ним расстались — и очень надолго, на целых двадцать лет: Встретились же снова так.

Была осень девятнадцатого года. Наша армия только что оставила К. Я по некоторым причинам задержался на некоторое время, скрываясь всеми правдами и неправдами под видом самого дрянного мужичонка. А город уже наполнялся большевистскими властями и учреждениями, вступавшими войсками и обозами, и чекисты во главе с каким-то товарищем Дозорным, уже работали не покладая рук. В ледяной солнечный день я шел однажды на главную улицу. Прошел мимо собора, глядя на голый городской сад, черневший напротив него, потом пошел по тротуару вдоль бывших присутственных мест, увешанных красными флагами. Перед этими присутственными местами тянется площадь и идет дорога под гору, к мосту через реку. И вот, в ту минуту, когда я только что поравнялся с подъездом бывшей судебной палаты; из-под горы прямо на меня понесся небольшой конный отряд, а за ним — длинный могучий серый автомобиль. Все это появилось так неожиданно и очутилось возле подъезда так мгновенно, что я невольно приостановился. Из машины же меж тем уже выскакивал невысокий человек в белой папахе, в чудесной офицерской поддевке с белым барашковым воротником и необыкновенно щегольских офицерских сапогах. Бледное кошачье лицо его с желтыми усами было оживлено быстрой ездой, белесые глаза расширены. Он глянул — и бегом кинулся ко мне.

— Нниколай Иванович, ввы? — слегка задохнувшись, быстро спросил он меня и до глаз залился алым румянцем.

И, не дав ответить и мучительно заикнувшись, прибавил:

— Ия Костин-Дозорный... И ннаслышан ппро вас... Так что уж — прпростите!

И, обернувшись к двум башкирам, с винтовками в руках сидевшим на машине, крикнул, вбегая в подъезд:

— В сад!

Меня скорым шагом, даже не обыскав, провели через площадь в сад, а через сад — к обрыву над речными обрывами и крикнули:

— Задом к речке!

Я стал и, мгновенно выхватив револьвер из кармана зипуна, в упор ударил в нагайскую рожу, стоявшую слева, и тотчас же ладом упал с обрыва. Вторая рожу выстрелила по мне, потом сдуру кинулась назад за подмогой. Я сломал себе руку, а все-таки ушел.

8.VI.24.

Публикация
Олега МИХАЙЛОВА.

ЧИТАТЕЛЬ - "СМЕНА" - ЧИТАТЕЛЬ

● Куда уплыла севрюга
● Жить станет лучше?..
● «...Я вижу своего сына!»
● Как избежать конца света

✉

Прочитал в вашем журнале про «ничейное золото» («Смена» № 13).

А «золото» действительно ничейное. Вся ценная рыбная продукция «уплывает» по ресторанам и за границу, где-то подсчитывают миллионы долларов «барышей». Эти деньги расходуются на какие-то, часто ненужные покупки. С какой стороны это касается населения? Откуда появится чувство хозяина, если «хозяин» десятки лет видит ценную рыбу только на картинках?!

Во всем виноват, конечно, наш художочный рубль. По-моему, Минрыбпром и Минрыбвод надо объединить. Тогда у Минрыбпрома будет болеть голова и о рыбных запасах.

За последние 2—3 года резко сократилось количество рыбы в Цимлянском водохранилище и на Дону. Как ему не сократиться, если промысел не прекращается круглый год и даже во время нереста?!

МАНУХОВ,
Цимлянск

✉

Министерство социального обеспечения РСФСР рассмотрело статью С. Ромейкова «Непрожиточный минимум», опубликованную в журнале «Смена» (№ 15, 1989 г.).

Законом СССР от 1 августа 1989 года «О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения» решены многие проблемы, затронутые в статье. С 1 октября 1989 года в РСФСР будут повышены минимальные размеры пенсий по старости и инвалидности 2-й группы до 70 рублей 11 миллионов человек. Увеличиваются минимальные размеры пенсий по инвалидности 1-й группы до 85 рублей в месяц, а также пенсии по случаю потери кормильца родителям и женам военнослужащих, погибших на фронте, до 60 рублей в месяц.

С 1 октября 1989 года увеличен размер пенсии по старости при неполном стаже работы т. Порталимовой М. И. с 23 рублей 96 копеек до 33 рублей 54 копеек.

Законом предусмотрено также, что с 1 января 1990 года будут повышены размеры пособий инвалидам с детства (инвалидам 1-й группы — до 70 руб.,

инвалидам 2-й группы — до 50 руб., детям-инвалидам в возрасте до 16 лет — до 70 руб.).

С 1 января 1990 года размеры пособий будут увеличены 35,4 тысячи человек.

Размеры других видов пособий не были увеличены, в том числе и пособий на детей малообеспеченным семьям с доходом менее 50 рублей в месяц на одного человека.

...В 1989 году министерство внесло предложение в Совет Министров РСФСР об увеличении размера пособия, выплачиваемого инвалидам 1-й, 2-й групп, не получающим пенсии, не имеющим источников дохода и родственников, обязанных по закону их содержать (пособие назначается исполкомами местных Советов народных депутатов за счет средств местных бюджетов; размер его составляет 30 руб. в месяц). Однако это предложение не было поддержано из-за отсутствия необходимых средств.

Министерством также был поставлен вопрос о введении таких пособий престарелым гражданам, не получающим пенсию, не имеющим источников дохода и родственников, обязанных по закону их содержать. Совет Министров СССР с 1.10.89 года принял такое решение. Пособия на детей многодетным матерям установлены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года и не пересматривались. Министерство неоднократно вносило предложение об увеличении размеров этих пособий, а также об унификации системы пособий на детей.

...Законом СССР от 1 августа 1989 года разрешен вопрос о выплате пенсий по старости рабочим и мастерам в полном размере, независимо от заработка (дохода). Также без учета получаемого заработка (дохода) и независимо от места работы будут выплачиваться пенсии по инвалидности всех групп.

Такой порядок выплаты установлен с 1 января 1990 года.

Министерство считает, что этот порядок должен быть установлен для всех пенсионеров, независимо от места работы и должности.

В соответствии с приказом № 93 Министерства социального обеспечения РСФСР от 13 августа 1981 года «О порядке выдачи единовременных денежных пособий пенсионерам» выдача их производится:

— районными и городскими отделами социального обеспечения в пределах до 30 рублей, а в большем размере по разрешению соответствующего райгорисполкома. При этом, согласно положению, материальная помощь оказывается только пенсионерам, получающим пенсию, а получатели пособий не предусмотрены в числе лиц, которые имеют право на получение единовременной материальной помощи.

В связи с этим министерство ставит вопрос перед финансовыми органами об увеличении ассигнований на выдачу единовременных денежных пособий с тем, чтобы предусмотреть на эти цели уже в 1990 году не менее 10 миллионов рублей, а также об изменении порядка оказания единовременной материальной помощи, дополнив круг лиц, имеющих право на получение материальной помощи, получателями пособий...

По инициативе министерства с 20.08.89 года по 18.02.90 года органами социального обеспечения проводится всероссийская «Акция милосердия», которая предусматривает создание во всех районах и городах Российской Федерации фондов социальной помощи, средства которых будут использоваться для оказания натуральной и денежной помощи малообеспеченным пенсионерам и инвалидам.

...Министерство и в настоящее время не располагает точными сведениями о том, когда проект нового Закона о пенсионном обеспечении трудящихся будет опубликован в печати для всенародного обсуждения.

В заключение сообщаем, что обратившийся в приемную министерства

тов. Жданов А. И., о котором упоминается в статье, бывший обеспечиваемый Яранского дома-интерната Кировской области, с 14 июня 1989 года переведен по его просьбе в Рублевский дом-интернат.

Слепоглухонемой ребенок Мансур Рахимов, также упоминавшийся в статье, с 1 сентября 1989 года приступил к занятиям в Загорском детском доме-интернате для слепоглухонемых детей.

А. Н. ВИНОГРАДОВ,
зам. министра социального обеспечения РСФСР

Уважаемая редакция!

Обращается к вам мать офицера-интернационалиста, лейтенанта Бакаева Дмитрия Германовича. В ноябре 1985 года мы получили сообщение о том, что 28 октября наш сын погиб в провинции Герат.

Но с того времени, как я увидела № 7 «Смены» за этот год, я не могу оторвать глаз от фотографии на обложке, где изображен воин, вернувшийся из Афганистана. На снимке Владимира Чейшвили я вижу своего сына! Я свою кровиночку из тысяч узнаю, хотя лицо у него и закрыто руками. Голова, волосы, уши, руки — моего сына, который числится погибшим. Вы назовете меня безумной матерью: ведь мне прислали цинковый гроб. А я не верю в гибель своего сына, считаю его живым, и жду его возвращения, и ищу его вот уже четыре года. Я чувствую всем сердцем, всей душой, что он жив. Ведь до сих пор находятся и возвращаются люди, которые в Великую Отечественную войну считались погибшими.

Вот потому и прошу вас, уважаемая редакция, помогите, пожалуйста, найти мне этого парня с фотографии на обложке журнала. Мне необходимо, просто жизненно необходимо твердо знать, кто на фотографии: мой сын или нет. Без этого я просто не смогу дальше жить.

Мой адрес: 603136, г. Горький, ул. Ванеева, д. 110/30, кв. 24.

С надеждой
Людмила Сергеевна БАКАЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Велико, безгранично горе матери, получившей прах сына, но также велика и святая ее вера в то, что сын чудом остался жив. Жив! — так говорит материнское сердце.

К сожалению, мы не знаем имени этого человека. Снимок был сделан во время возвращения наших войск из Афганистана на Родину. Просим воина, сфотографированного Владимиром Чейшвили, отозваться. Просим также тех, кто может назвать его имя, знает его адрес, написать Людмиле Сергеевне. Мать ждет.

Нынешнюю экологическую ситуацию в стране — тяжкую, страшную — «пожинать» молодым. Поэтому я предлагаю образовать общественную организацию под эгидой ЦК ВЛКСМ, которая бы защищала молодое поколение от ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ. Ее условное название — «Человек разумный и мир». У меня разработан устав и принципы организации. О нескольких основных направлениях ее будущей деятельности хотел бы сообщить.

Первое. Ни один промышленный объект не должен вводиться в строй без одобрения молодежной комиссии. В роли экспертов: молодые ученые из СССР и зарубежных стран. В будущем и так придется много расхлебывать из уже нагорженного! Зачем же множить число таких «узелков»?

Второе. На всех без исключения продуктах должны быть ярлык с указанием места, где произведен продукт, степень химической и радиологической чистоты, а также номер бригады-изготовителя и фамилия руководителя. Чтобы в случае отравления или другой напасти можно было привлечь халатно относящихся к делу к РЕАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Почему на телевизор есть паспорт со своими реквизитами, на платье — ярлык, а здесь — вопиющая, доходящая до безответственности анонимность?!

Третье. Необходимо продавать ГАРАНТИРОВАННЫЙ МИНИМУМ продуктов питания всем детям страны от рождения и до пяти лет. Ибо дисбаланс в питании способствует в будущем болезням, порой неизлечимым. И лишь оставшееся от ДЕТСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ пускать в свободную продажу для любых категорий населения. Даже при сегодняшнем дефиците — это вполне реальная и осуществимая мера. Да и перечень ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ для растущего ребенка невелик — до 15 наименований.

Четвертое. Во всех населенных пунктах страны должен быть обеспечен ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЗАПАС медикаментов и лечебно-процедурного оборудования для детей от момента рождения и до

пятнадцати лет. Этот запас должен тратиться целевым назначением только для ДЕТЕЙ. Там, где взрослый может потерпеть или обойтись сходным по действию лекарством, а также пользоваться после стерилизации медоборудованием многократного пользования, для детей медикаменты должны быть строго специализированными, а медоборудование в основном ОДНОРАЗОВЫМ.

Пятое. В СССР начинает выводиться из эксплуатации ряд ядерных установок — срок давности подошел. Как конкретно будут захороняться объекты? Как будут вывозиться и по каким маршрутам остатки топлива? Население надо обязательно заранее уведомлять, ибо у нас аварий на транспорте предостаточно! Также должна быть составлена четкая карта подобных «могильников» с доступной передачей информации через поколения. А то лет через двести — триста напорются наши потомки на бетонные скалы-склепы, из-за любознательности вскроют... Вот уж они тогда «поблагодарят» предков за «подарочки».

...Всего в моей программе девятнадцать направлений как общесоюзного, так и локально-регионального характера. Ряд вопросов должен рассматриваться в Верховном Совете СССР, куда с законодательными депутатскими инициативами будут обращаться как депутаты от ЦК ВЛКСМ, так и присоединившиеся к ним депутаты от Советского Детского фонда, Комитета советских женщин и так далее, ибо интересы во многом совпадают и пересекаются. Проработку законов и обоснований дала бы наша организация, созданная для ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА.

Как противостоять всеохватывающей ведомственной лжи и безкаказности? Выход один — объединяться! Правда, есть еще один — терпеливо ожидать конца света. Надо выбирать немедленно. Мы и так упустили слишком много, но, к счастью, пока еще не все.

Игорь НЕХАМЕС,
журналист,
Магнитогорск

«ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ»

Дорогие друзья! Продолжаем социологический опрос любителей поп- и рок-музыки, начатый в пятом номере «Смены». Благодарим всех читателей, приславших письма в адрес передачи «50 на 50». Результаты телелотереи и имена победителей (выпуск № 3) вы узнаете, посмотрев четвертый выпуск телешоу, который состоялся в Витебске. Предлагаем оценить выступления групп и исполнителей. Высший балл — 5!

Самобытность	Исполнительское мастерство (вокал)	Репертуар	Артистичность
--------------	------------------------------------	-----------	---------------

Саша Айвазов			
Группа «Домино»			
Группа «Мона Лиза»			
Группа «Алло»			
Группа «На-На»			
Владимир Мальцев			

2. Кого из перечисленных исполнителей вы хотели бы видеть в финале конкурса «50 на 50», который состоится в конце года?

А теперь несколько слов о себе (обведите соответствующие данные кружочком):

3. Ваш пол	4. Ваш возраст
001 — мужчина	003 — до 20 лет
002 — женщина	004 — от 21 до 30 лет
	005 — от 31 до 40 лет
	006 — от 41 до 50 лет
	007 — старше 50 лет

Где вы живете?

5. Ваша профессия?

6. Как давно выписываете «Смену»?

008 — до 1 года
009 — от 2 до 5 лет
010 — от 5 лет и выше

АВТОМ
ЗВОН

Сергей РОМЕЙКОВ

Фото Евгения СТЕЦКО

Это только говорится так, что колокол — «ударный, самозвучающий сигнальный музыкальный инструмент». На самом-то деле никакой он не «самозвучающий». Конечно, по любой железяке грюкни — она и зазвучит. Но не будет песни. Не будет перезвона малинового. Не получится колокольного плача — навзрыд, отчаянного, бесшабашного...

А бывает, и смеются колокола! Но опять же не сами, нет, — не обойтись тут без мастера.

Алексей Чернышов, начальник технологического бюро Воронежского завода тяжелых механических прессов, ведет нас по цехам: из модельного — на формовку, оттуда — в литейку.

...Легкие, почти неуловимые прикосновения стамески к влажной сосновой фактуре, невидимые глазу шероховатости снимаются мелкой наждачной шкуркой...

Многое зависит от модельщиков, да не все. За внешний вид они поручиться могут, а вот за звук поруки никто по отдельности дать не сможет. Здесь, как говорится, надо, чтобы сло жилось. Чтоб труд многих людей обрел голос. Тут и формовщики ошибиться с формовочной смесью не должны, и сушильщики, запекающие для прочности готовую форму, должны не «передержать», и металлурги, и дробеструйщики — все сработать обязаны точно.

— Я, — рассказывает Чернышов, — долго колебался. Ну понимаете, колокола... церковь... А я — партийный, понимаете? Как же, думаю, совместить такое возможно? И не знаю, чем бы споры с самим собой закончились, если бы не засела заноза: кто-то сказал, что ни в жизнь нам этих самых колоколов не отлить, чтоб звучали.

Задетое профессиональное самолюбие расставило точки над «и».

А ведь дело и впрямь не шуточное. Отлить — привычно, ничего нового: модель, форма, сплав, а вот чтоб зазвенел, запел с прибрежной горки!..

Засели заводчане за книги. К тому немногому, что имелось в профкомовской библиотеке, добавлялись редкие, дореволюционные издания. Да не густо было литературы по части литья колоколов. Древнее это ремесло, передававшееся главным образом изустно от мастера к ученикам, десятилетиями, веками копившиеся навыки — все под корень было вырублено. За ненадобностью. Когда на орала перековывались не только мечи.

Разрабатывая технологию литья, помянул Чернышов добрым словом и уральских мастеров, где учил его в молодости знаменитому каслинскому литею. А когда с технологией было закончено, засел за чертежи инженер-конструктор Владимир Мязин.

С чего же все это началось? С какой, хотелось узнать, стати крупное промышленное предприятие (с планом, госзаказом, с нерешенными проблемами соцкультбыта и т. д.) взялось вдруг за колокола?

Был в Воронеже кооператив — «Пушок». Специализировался на мягкой мебели (отсюда и название). Не знаю, что тому причиной — то ли интуиция, то ли внимательное изучение конъюнктуры, но кооператоры — спасибо им за это! — решили помочь нашей православной церкви... колоколами. Так они на Воронежский прессовый, где самый крупный цех по литью бронзы, и вышли. И из «Пушка» переименовались в «Русь».

Предприниматели взялись за дело круто. Недостатка в заказах не было. Фондированная медь — пожалуйста. На «колокольный звон» живо откликнулись рабочие. Потому что к нему присоединился и другой, не менее благозвучный: форсируя сроки производства, кооператоры стали приплачивать наличными. Хорошее, казалось бы, дело — плата по труду, — да не всем по нраву пришлось. Конечно, недовольными оказались прежде всего те, кто не был занят на изготовлении колоколов. Конфликт назревал стремительно и не замедлил разрешиться самым простым образом: кооператоры ушли на другое предприятие; заводчане, войдя во вкус, продолжают лить колокола самостоятельно...

В кабинете главного металлурга встретились с москвичами из фольклорного ансамбля «Карусель».

— Ребята, а как узнали воронежский адрес?

— Друзья были здесь на экскурсии, услышали, что на здешних церквях колокола местного производства...

Сегодня в Воронеж едут отовсюду, со всей страны. Кто бы мог подумать — и на колокола дефицит!

Заговорили об этом с отцом Александром Труновым, помощником настоятеля Покровского кафедрального собора.

— Еще пять лет назад такое было невозможно. Чтоб государственное предприятие выполняло заказы епархий... Слава богу, времена меняются.

От себя добавлю: меняемся и мы сами. Просветлев умом и медленно очищаясь душой, платим, платим по неоплатным счетам...

А народу-то, рассказывают, собралось на подъем новых колоколов видимо-невидимо! Детвора и старые горожане, верующие и атеисты, телевидение областное — на диво глянуть. А оно и впрямь диво: мощный японский кран, выстрелив в чистую синь свою руку-стрелу, медленно потащил вверх многопудовое бронзовое солнце...

По шатким, скрипучим лесенкам XVII века взбираемся на колокольную. Молодой звонарь Юрий Урядник управляется ловко, я едва за ним поспеваю.

Выпускник музучилища, Юрий перепробовал в своей жизни многое. Работал в музыкальной школе, на заводах художественной самодеятельностью руководил, играл в ресторане. И вот — на колокольню. Звонарь — профессия нынче редкая, реликтовая. Звонарь — высокое, едва ли не начисто утраченное нами искусство.

— Батюшка благословил меня: весной поеду в Ростов Великий, на курсы звонарей...

Хороший вид открывается с высоты. Привольно здесь и колоколам, и птицам. Но саднящей царапиной напомнило о себе услышанное в курилке на заводе: «Ишь, коммунары, то скидывали кресты с колоколами, а тут — спохватились, снова фотоаппаратами защелкали...»

Обиженный народ не скоро прощает. Но ведь мы спохватились?

ПРОТИВ

«Нет, не будем прятаться за фатум: главные направления своей жизни все-таки выбираем мы сами».

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Перед нынешним боем прежние все разве что военными учениями и могли показаться. Хоть и с пристрелкой на будущее, а палили там все больше холостыми; главные же силы за «маневрами» поглядывали из укрытия, себя не обнаруживая. Да и так оно вышло, что когда 17 ноября 66-го на бюро секции прозы обсуждался «Раковый корпус», союзников перевес выходил обильный, хотя и странным к тому времени мог показаться расклад: после хрущевской «оттепели» заметно похолодало и пал уже, — дела не доделав, — главный благодетель, а все как бы оставался Солженицын под охранительным начальственным крылом. Не последним и то было, что в памятных еще днях сам Суслов (вместе с прежним шефом не павший) сухонькой ладошкой при всей честной компании изволил руку пожимать автору «Ивана Денисовича». На такие штуки глазок холуйский приметлив, так что и выходил тогда Солженицын главным кусателям не по зубам — час не пришел. А тут время к нему и повернуло.

Хотя календарных страничек не так много отлистнулось, а уже отвечать надо было и на письмо съезду, и на послание Г. Владимова, да и на последнее солженицынское — от 12 сентября 67-го — отмолчаться никак уже было нельзя... Пришел час спускать с цепи главные силы. Только не маневрами тут пахло, а готовилась кампания.

Союзник и сам боец испытанный, сквозь какие уж лихие годы с боями продиравшийся, больше Солженицына чужал это Твардовский.

«Он-то знал, как вытягивают жилы на этих заседаниях, как ставят подножки, колют в задницу, кусают в пятку».

Зная же это, призвал Твардовский Лакшина.

«...и с ним вместе готовился меня уговорить и настроить, чтоб я был сдержан там, чтоб не высказывал, не сшибался репликами, не взрывался от гнева — ведь заключают, ведь тогда я пропал, они же все опытные петухи». <...> «Открою вам тайну, — сказал я им. — Я никогда не выйду из себя, это просто невозможно, в этом же лагерная школа». <...>

«Готовиться к этой первой (но тридцать лет я к ней шел!) схватке мне, собственно, не было трудно: и потому, что очень уж отчетливо я представлял свою точку зрения на все, что только могло шевельнуться под их теменами; и потому, что на самом деле предстоящий секретариат не был для меня решением судьбы моей повести: пропустят ли они «Раковый корпус» или не пропустят — они все равно проиграли. Равно не нужен мне был этот секретариат и как аудитория: бесполезно было пытаться воистину их переубедить. Всего только и нужно было мне: прийти к врагам лицом к лицу, проявить непреклонность и составить протокол. <...> Я заготовил чистые листы, пронумеровал их, поля отчертил — и в назначенные 13.00 22 сентября вошел в тот самый полужал с кариатидами. А у них был густой, надыханный и накуранный воздух, дневное электричество, опорожненные чайные стаканы и пепел, насыпанный на полировку стола, — они уже два часа до меня заседали».

Полную стенограмму этого заседания, будем надеяться, издадут, ибо история отечественной литературы лишится без нее многих поистине судьбоносных своих страниц. Мы же даем — в коротких извлечениях — «ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР 22 сентября 1967 года».

ФЕДИН. <...> В сложном вопросе о печатании вещей Солженицына что происходит? Его таланта никто из нас не отрицает. Перекашивает его тон в непозволительную сторону. Читая письмо, ощущаешь его как оплеуху —

Декабрь 1971 года. Похороны Твардовского.

мы будто негодники, а не представители творческой интеллигенции. В конце концов своими требованиями он сам тормозит рассмотрение вопроса. <...> мы должны будем сегодня говорить и о произведениях Солженицына, но мне кажется, что мало говорить в общем по письмам.

СОЛЖЕНИЦЫН просит разрешения сказать несколько слов о предмете обсуждения. Читает письменное заявление:

«Мне стало известно, что для суждения о повести «Раковый корпус» секретариат правления предложено было читать пьесу «Пир победителей», от которой я давно отказался сам, лет десять даже не перечитывал, уничтожил все экземпляры, кроме захваченного, а теперь размноженного. Я уже не раз объяснял, что пьеса эта написана не членом Союза писателей Солженицыным, а бесфамильным арестантом Щ-232 в те далекие годы, когда арестованным по политической статье не было возврата на свободу, и никто из общественности, в том числе и писательской, ни словом, ни делом не выступил против репрессий даже целых народов. Я так же мало отвечаю сейчас за эту пьесу, как и многие литераторы не хотели бы повторить сейчас иных речей

и книг, написанных в 1949 году. Пьеса эта не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему творчеству. <...> Кроме того, недостойно писательской этики — обсуждать произведение, вырванное из частной квартиры таким способом». <...>

КОРНЕЙЧУК. У меня вопрос к Солженицыну. Как он относится к той разнузданной буржуазной пропаганде, которая была поднята вокруг его письма? Почему он от нее не отмежевывается? Почему спокойно терпит? Почему его письмо западное радио начало передавать еще до съезда? <...>

СОЛЖЕНИЦЫН. Хорошо, я отвечу на эти вопросы. Это неверно, что письмо стали передавать по западному радио до съезда: его стали передавать уже после закрытия съезда, и то не сразу. (Далее буквально): «Здесь употребляют слово «заграница» и с большим значением, с большой выразительностью, как какую-то важную инстанцию, чьим мнением очень дорожат. Может быть, это и понятно тем, кто много творческого времени проводит в заграничных поездках и наводняет нашу литературу летучими заметками о заграничье. Но мне это странно. Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с заграницей, а не со своей страной,

с ее живым общественным мнением. Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу. <...> **ВОПРОС:** Отвергнута ли редакцией «Нового мира» повесть «Раковый корпус» или принята?

АБДУМОМУНОВ. Какое разрешение требуется «Новому миру» на печатание повести и от кого?

ТВАРДОВСКИЙ. Вообще решение печатать или не печатать ту или иную вещь — в компетенции редакции. Но в данной ситуации, сложившейся вокруг имени автора, решать должен секретариат Союза.

ВОРОНКОВ. <...> После письма Солженицына съезду у товарищей из секретариата было желание встретиться, ответить на вопросы — поговорить и помочь. Но после того как письмо появилось в грязной буржуазной прессе, а Солженицын никак не реагирует... **ТВАРДОВСКИЙ.** Ну, точно как Союз писателей!

ВОРОНКОВ. ...это желание отпало. А тут вот появилось второе письмо. Оно ультимативно, оскорбительно, недостойно нашей писательской общественности. <...> Но меня сейчас больше всего интересует гражданское лицо Солженицына: почему он не реагирует на

ВОСТОЯНИЕ

вету, которой меня окружили. <...> Давно известно, что клевета неистощима, изобретательна, быстра в росте, но когда столкнешься с клеветой сам, да еще с невиданной новой формой ее — клеветой с трибуны, то диву даешься. Беспрепятственно провернулся круглжи о том, что я был в плену и сотрудничал с немцами. Но этого уже кажется мало! Этим летом в сети политпросвещения, например в Болшево, агитаторам было продиктовано, что я бежал в Арабскую республику и сменил подданство. Ведь это же все записывается в блокноты и разносится дальше с коэффициентом сто. И это рядом со столицей! Есть и другой вариант. В Соликамске <...> майор Шестаков объявил, что я бежал по туристской путевке в Англию. <...> Другой раз он же объявил: Солженицыну официально запрещено писать! Ну, тут он хоть близок к истине.

Еще так обо мне заявляют с трибуны: «Его освободили досрочно, а зря». Зря или не зря освободили, это мы можем видеть из судебного решения военной коллегии Верховного суда по реабилитации, оно предложено секретариату...

ТВАРДОВСКИЙ. И там боевая характеристика офицера Солженицына.

СОЛЖЕНИЦЫН. А вот «досрочно» — это очень смачно употреблено! Сверх восьмилетнего приговора я просидел месяц в пересыльных тюрьмах, да такую мелочь у нас и упоминать стыдно, затем без приговора получил вечную ссылку, с этой вечной обреченностью просидел три года в ссылке, только благодаря XX съезду освобожден — и это называется **досрочно!** Как это словечко выражает удобное мировосприятие 1949—1953 годов: если не умер у лагерной помойки, если хоть на коленях из лагеря выполз — значит, освобожден «досрочно»... Ведь срок — вечность, и что раньше — то все досрочно.

Бывший министр Семичастный, любивший выступать по вопросам литературы, не раз уделял внимание и мне. Одно из его удивительных, уже комичных обвинений, было такое: «Солженицын материально поддерживает капиталистический мир тем, что не берет гонорара» какого-то за вышедшую где-то книгу, очевидно «Ивана Денисовича», другой нет. <...> Ведь это уже комедийная путаница: кто берет гонорары с Запада — тот продается капиталистам, кто не берет — тот их материально поддерживает. <...> Семичастный уже не министр, но идея его не угасла: лекторы Всесоюзного общества по распространению научных знаний понесли ее дальше. Например, ее повторил 16 июля этого года лектор А. А. Фрейфельд в свердловском цирке. Сидели две тысячи человек и только удивлялись: какой же ловкач этот Солженицын! — умудрился, не выходя из Советского Союза, не имея в кармане вобщем ни копейки, материально укрепить мировой капитализм. (Действительно, история для цирка.) <...>

САЛЫНСКИЙ. Я буду говорить о «Раковом корпусе». Я считаю, что эту вещь необходимо печатать — это яркая и сильная вещь. <...> Теперь о нравственном социализме. По-моему, здесь ничего страшного. Если бы Солженицын проповедовал безнравственный социализм — это было бы ужасно. (Далее призывает секретариат решительно вы-

ступить с опровержением клеветы против Солженицына.) <...>

ФЕДИН. Нет, это неверно. Секретариат не должен ничего печатать и опровергать. Неужели мы в чем-то виноваты? Неужели вы, Александр Трифонович, считаете себя виновным?

ТВАРДОВСКИЙ (быстро, выразительно). Я?? — нет.

ФЕДИН. Не нужно искать искусственного повода для выступления. <...> Другое дело, если Солженицын сам найдет повод развязать возникшую ситуацию. Тут должно быть публичное выступление самого Солженицына. Но вы подумайте, Александр Исаевич, в интересах чего мы станем печатать ваши протесты? Вы должны прежде всего протестовать против грязного использования вашего имени нашими врагами на Западе. <...>

(Одобрение среди членов секретариата)

КОРНЕЙЧУК. <...> Отдаете ли вы себе отчет: идет колоссальная мировая битва и в очень тяжелых условиях. Мы не можем быть в стороне. Своим творчеством мы защищаем свое правительство, свою партию, свой народ. Вы тут иронически высказались о зарубежных поездках как о приятных прогулках, а мы ездим за границу вести борьбу. Мы возвращаемся оттуда измотанные, изнуренные, но с сознанием исполненного долга. <...> Ваши выступления — только прокурорские. «Пир победителей» — это злобно, грязно, оскорбительно! И эта гадкая вещь распространяется, народ ее читает! Вы сидели когда там? Не в 37-м году! А в 37-м нам приходилось переживать!! — но ничто не оставило нас! Правильно сказал вам Константин Александрович: вы должны выступить публично и ударить по западной пропаганде. Идите в бой против врагов нашей страны! Вы понимаете, что в мире существует термоядерное оружие, и, несмотря на все наши усилия, Соединенные Штаты могут его применить? Как же нам, советским писателям, не быть солдатами?

СОЛЖЕНИЦЫН. Я повторно заявляю, что обсуждение «Пира победителей» является недобросовестным, и настаиваю, чтобы это было исключено из рассмотрения!

СУРКОВ. На чужой роток не накинешь платок!

КОЖЕВНИКОВ. Большой промежуток времени от письма Солженицына до сегодняшнего обсуждения свидетельствует как раз о **серьезности** отношения секретариата к письму. Если бы обсуждали его тогда, по горячим следам, мы бы отнеслись острее и менее продуманно. Мы решили сами убедиться, что это за антисоветские рукописи. Я потратил много времени на их чтение. <...> Для меня отказ Солженицына от «Пира победителей» еще не совпал с моим восприятием этой пьесы. <...>

СОЛЖЕНИЦЫН. Несмотря на мои объяснения и возражения, несмотря на полную бессмыслицу обсуждать произведение, написанное 20 лет назад, в другую эпоху, в несравнимой обстановке и другим человеком, к тому же никогда не опубликованное, никем не читанное и выкраденное из ящика, — часть ораторов сосредотачивается именно на этом произведении. Это гораздо бессмысленнее, чем, например, на 1-м съезде писателей поносить бы Максима Горького за «Несвоевременные мысли». <...>

СУРКОВ. Я тоже читал «Пир победителей». Ее настроение: «Да будьте вы все прокляты!» И в «Раковом корпусе» продолжает звучать то же. <...> Если «Раков корпус» будет напечатан, эта вещь может быть поднята против нас и будет посильней мемуаров Светланы. <...> Произведения Солженицына для нас опасней Пастернака: Пастернак был человек, оторванный от жизни, а Солженицын — с живым, боевым, идейным темпераментом, это — идейный человек. Мы — первая революция в истории человечества, не сменившая ни лозунгов, ни знамен! «Нравственный социализм» — это довольно обывательский социализм, старый, примитивный, и (в сторону Салынского) не знаю, как можно в этом не разобраться, что-то тут найти.

САЛЫНСКИЙ. Да я его и не защищаю вовсе. <...>

КЕРБАБАЕВ. Читал «Раков корпус» с большим неудовольствием. Все — бывшие заключенные, всё — мрачно, ни одного теплого слова. Просто тошнит, когда читаешь. <...> Почему автор видит только черное? А почему я не пишу черное? Я всегда стараюсь писать только о радостном. Это мало, что он от «Пира победителей» отказался. Я считал бы мужеством, если бы он отказался от «Ракового корпуса», — вот тогда я б обнял его как брата.

ШАРИПОВ. А я б ему скидку не дал, я б его из Союза исключил! В пьесе у него все советское представлено отрицательно, и даже Суворов. Совершенно согласен: пусть откажется от «Ракового корпуса». Наша республика освоила целинные и залежные земли и идет от успеха к успеху.

НОВИЧЕНКО. <...> Не согласен с главным требованием письма: нельзя допускать все печатать. Это что ж тогда — и «Пир победителей» печатать? <...> Надо преодолеть всяческие кощеришки, ведущие от этой пьесы. <...>

СОЛЖЕНИЦЫН. Уже несколько раз я выступал сегодня против обсуждения «Пира победителей», но приходится опять о том же. <...> Я сейчас буду говорить очень медленно, пусть каждое слово мое будет записано точно. Если «Пир победителей» пойдет широко по рукам или будет напечатан, я торжественно заявляю, что вся **ответственность** за это ляжет на ту организацию, которая использовала единственный сохранившийся, никем не читанный экземпляр этой пьесы. Организация делает это при моей жизни и против моей воли: это она распространяет пьесу! <...> Теперь относительно предложения Константина Александровича. Ну, конечно же, я его приветствую. Именно публичности я и добиваюсь все время! Довольно нам тайтаться, довольно нам скрывать наши речи и прятать наши стенограммы за семью замками. <...> Спросил К.А.: «В интересах чего печатать ваши повести?» По-моему, это ясно: в интересах отечественной литературы. Но странно говорит К.А., что **развязать** ситуацию должен я. У меня связаны руки и ноги, замкнут рот — и я должен развязать ситуацию? Мне кажется, это легче сделать могучему Союзу писателей. Мне каждую строчку вычеркивают, а у Союза в руках вся печать. Я все равно не понимаю и не вижу, почему мое письмо не было затеано на съезде. Теперь К.А. предлагает

гнусную буржуазную пропаганду? И почему так обращается с нами?

МУСРЕПОВ. И у меня вопрос: как это он пишет в письме: более высоко стоящие товарищи выражают сожаление, что я не умер в лагере? Какое право он имеет так писать? <...>

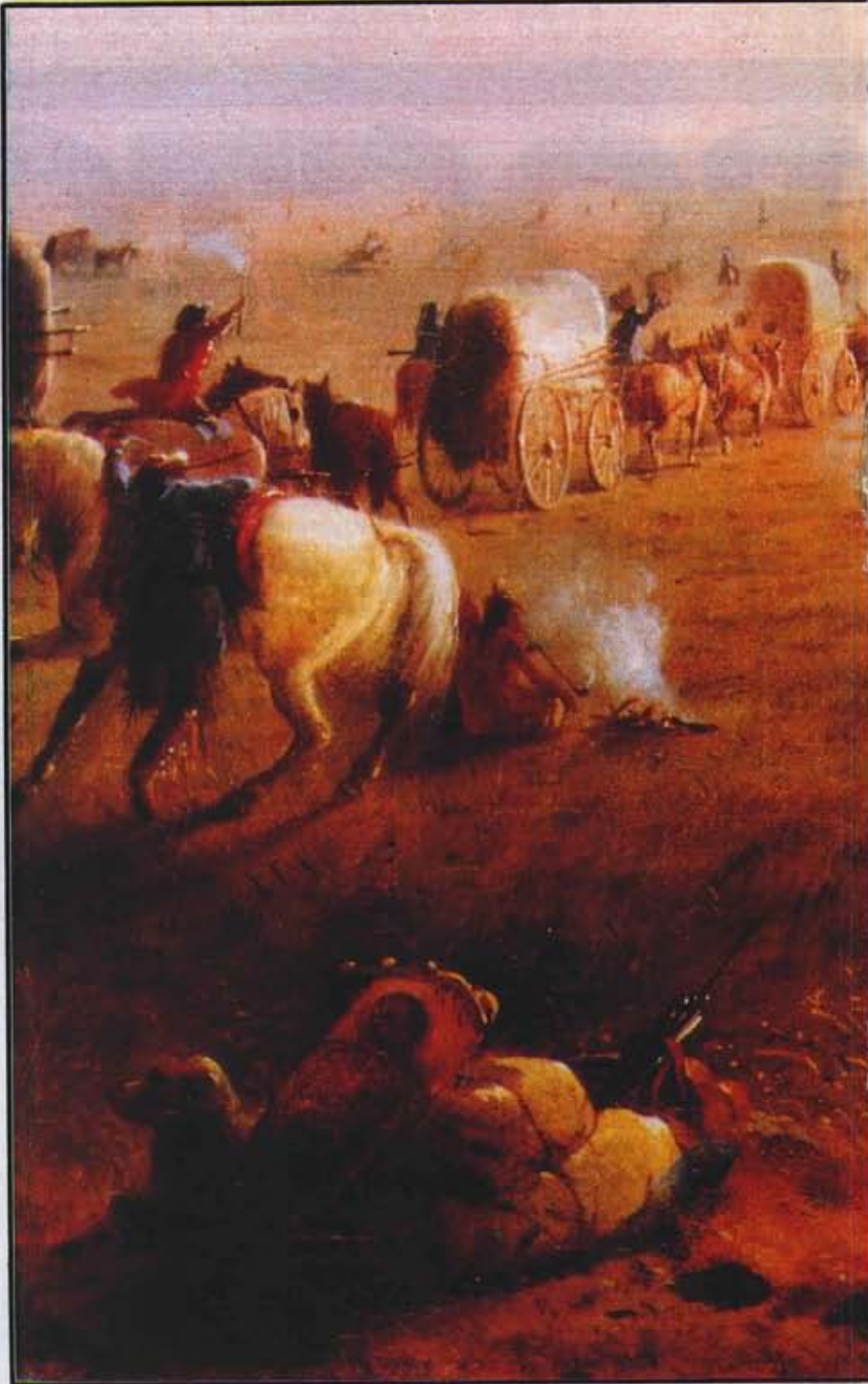
СОЛЖЕНИЦЫН. Да то ли еще обо мне говорили? Лицо, занимающее очень высокое положение и сегодня, заявило публично, что сожалеет: не он был в составе той тройки, которая выносила мне приговор в 1945 году, он бы тогда же приговорил меня к расстрелу... Здесь мое второе письмо истолковывают как ультиматум: или печатайте повесть, или ее на Западе напечатает. Но этот ультиматум не я ставлю секретариату, а вам и мне вместе ультиматум этот ставит жизнь. Я пишу, что меня беспокоит распространение повести в сотнях — эта цифра на глазок, я ее не подсчитывал, — в сотнях машинописных экземпляров. <...> Первую часть повести еще год назад перечитала московская секция прозы; удивляюсь, почему тут т. Воронков сказал — не знали, где достать, запрашивали КГБ. <...> Я не меньше могу удивляться, как мог секретариат несколько не реагировать на мое письмо съезду — еще прежде Запада? И не реагировать на всю ту кле-

Джорджия О'Кифф. Красные холмы, серое небо.

Уолта Уитмена, самая американская часть Америки.

Первые художники донесли до нас ценные этнографические документы. Вот, к примеру, портрет индейского вождя по имени «Припавший к земле Орел» Генри Инмана. Любуясь портретом Орла, как-то невольно вспоми-

являла столь ослепительно-величественный лик, что в пору было зажмуриться. Пейзажи Морана поразили в самое сердце членов конгресса, и вскоре после их показа в Америке возник первый национальный парк.

ДИКИЙ ЗАПАД В СИБИРИ

Александр СПИРИН

О т одного звучания слов — Фенимор Купер, мустанги, прерия... — начинается сосать под ложечкой, а от какой-нибудь араукарии, которую мы и в глаза не видели, холодеет кровь. Нет, есть в российской душе заповедный уголок с табличкой «Дикий Запад». Не даром с XIX столетия не перестают читать в России Джеймса Ф. Купера, Брет Гарта, не зря здешний читатель совершал паломничества вместе с американскими переселенцами в поисках земли обетованной.

Выставка «Запад, Запад, Запад» (65 работ из коллекции мистера Аншутца) расталкивает подзатыннувшееся ряской сознание человека, уставшего от борьбы с повседневьем, и выталкивает его в мир искателей приключений, благородных индивидуалистов, гордящихся своей независимостью. Ибо запад, по словам поэта

наешь, что на свое 70-летие Вождь Всех Народов получил из Америки, видимо, идентичный головной убор — «дар величайшему воину И. В. Сталину, избранному почетным вождем индейских племен», и мысленно выносишь благодарность нашим индейским товарищам за проявленную чуткость.

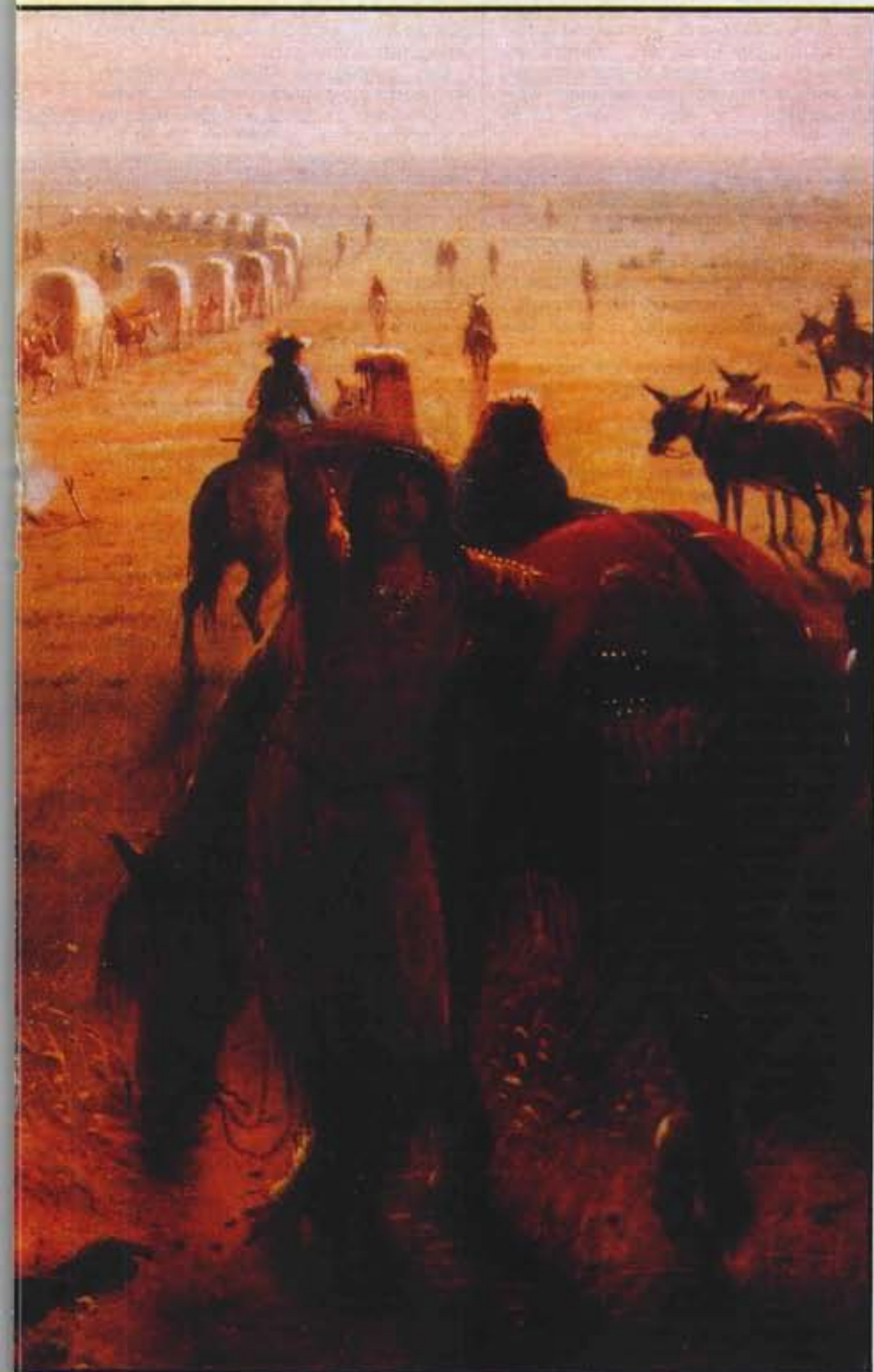
Но пойдем дальше. Художник «Гудзонской школы» Эшер Б. Дюранд свято верил, что, копируя природу, он изображает Бога. Природа блистательна и баснословна, и на фоне ее огромности человеческие беды просто пшик. (Любопытно, что сказал бы Эшер Б. Дюранд, посети он в 1989 году, ну, например, Арал?)

Десятилетия спустя руссоистские идеи Дюранда были подхвачены Альбертом Бирштадтом и Томасом Мораном. Природа на их полотнах

(Какой Моран убедит наших «конгрессменов» не трогать Алтай и прочие места, ах, советский Моран!)

Нельзя пройти мимо еще двух знаменитостей, Чарльза Рассела и Фредерика Ремингтона. Первый, будучи ковбоем, поэтизировал жизнь на ранчо, а второй, держатель салуна, оплакивал исчезающий под натиском цивилизации дикий запад. Если бы существовало звание «народный художник США», оба получили бы его по праву и безо всякого блата.

Ландшафты запада неисчерпаемы на выдумку. Но, по-видимому, к концу XIX века они подустали от романтических, а также суровых реалистов, и век XX протекает под знаком модернизма. Быть может, последним «чистым» академистом был уроженец Казани Николай Фечин, член Академии художеств, в 1923 году навсе-

гда покинувший Родину. Картина «Бабье лето» (по-английски «Индийское лето») — виртуозный натюрморт индейского быта, диковинная игра слов, красок и предметов.

Имя Джексона Поллока, демиурга «стекающих картин» — когда на холст выплескивается банка краски, чистый цвет, — в презентации не нуждается. В конце жизни этот безудержный экспериментатор вообще «завязал» с предметной живописью, предвосхитив появление многих нынешних направлений поставангарда. Ранняя работа Поллока, представленная на выставке «Человек, бык, птица», выглядела бы достаточно традиционно в контексте работ сюрреалистов-европейцев.

По мнению многих, жемчужиной выставки является полотно Джорджи О'Кифф «Красные холмы, серое небо». К огромному сожалению, состояние нашей полиграфии не в силах передать все магическое впечатление от картины, снимающей покров с древней мифологемы: горы — проекция ада на земле.

Давайте теперь внимательно послушаем куратора коллекции Элизабет Каннингхэм:

— Наша выставка-передвижка, продолжающая традиции подобных выставок начала века, много путешествует по миру и внутри страны. Мы побывали в Китае, в странах Европы. Конечная остановка в СССР — Новосибирск. Ну, а на родине нашему появлению в любой точке страны предшествует тщательно спланированная рекламная кампания. Мы считаем, что чем раньше дети приобщаются к живописи, тем лучше. Дети загодя готовятся к нашему визиту, учатся шить костюмы индейцев на уроках рукоделия. Служители выставки облачаются в ковбойскую экипировку. Мы располагаем спецавтобусами, подгоняем их к школам и колледжам, забираем детей и едем играть на природу. Да-да, именно играть, ведь дети быстро устают от сухой дидактики, пусть даже она подается с самыми благородными целями. Дети строят вигвамы, жгут костры, как настоящие индейцы, поют и танцуют под народную музыку нашей рок-кантри-группы.

Слушая эту женщину с лицом и фигурой Джейн Фонды, я вспом-

нил, что, ухась в далеко не худшей московской школе, вместе с классом был в Третьяковке лишь однажды. Гид-экскурсовод на ходу подмазывала губки, явно торопясь на randevу, и мы пронеслись по залам бешеным галопом, которому позавидовали бы скакуны из труппы Буффало Билла («Слева — русская аристократия, справа — Иван Грозный убивает собственного ребенка, проходим в темпе!»). После чего на уроке перед нами вывесили блеклую репродукцию «Сватовства майора», и все принялись механически описывать изображенное на картине (если бы кто-нибудь хотя бы намекнул нам тогда, что живопись — это то, что не передается словами!); лучшие места из сочинений были зачитаны вслух, и весь класс почувствовал стойкое отвращение к жанровой живописи.

Жутковатый парадокс: страна, в первой четверти века подарившая миру чудо русского авангарда, изменившего не только взгляд на живопись, но, кажется, и само пространство, эта страна, прошедшая в 30—40-х через искушения карамельными сюжетами типа «Опять двойка», спустя полвека пускает на самотек воспитание художественного вкуса у молодых людей. Этот губительный процесс в недрах общества можно определить новым термином — «соц-дофенизм».

А в итоге еще одно полупотерянное для культуры поколение разбирается в живописи так, как великий одиночка Кожаный Чулок — в женских истериках.

Джексон Поллок. Человек, бык, птица.

Николай Фечин. Бабье лето.

Фредерик Сэкрайдер Ремингтон. Отпусти его на свободу, Билл.

Муза по утрам была настроена, как всегда, по-боевому. Литсотрудник же, как всегда, пребывал в творческом столбняке. Как всегда, косяком шли читательские письма. За окном парили пресловутые объекты. Под окном стадо прогуливались, взявшись за руки, лесные и снежные человеки. Пресса шагала в ногу с новыми веяниями.

— На поэтическом фронте без перемен? — хилым утреним голосом осведомился литсотрудник.

— По-прежнему в ходу стихи-передовицы, — отпартовала Муза. Телепатическим взором она вобрала в себя гору писем, мысленно разложила их по полочкам, настроила лиру и, бряцая по струнам, заголосила:

*С дерева спадает красный лист.
Песню запекает коммунист.
Литсотрудник нахмурился:
— Эй, довольно политических виршей. Что новенького в экономике?
Муза по-балкински прищурилась и изрекла:*

*— Все больше о деньгах полисываю.
Вечный дефицит — вечная тема.
— Захватывающие ракурсы есть?
— «Душа и деньги».— Муза прокашлялась и затянула:
А дашь ей денег — помрет со скуки
Под грузом жалкого пятака.*

Литсотрудник хлопнул себя по лбу, намереваясь шлепнуть последнего в этом сезоне комара, но промахнулся. Голова загудела. Муза ударилась в слезы — уж очень жалостливой оказалась ей песнь «Я наверно схожу с ума»:

*Мне дед не оставил наследства.
Отец был беднее, чем он.
На свои я живу только средства.
Оттого мне противен
и так чужд миллион.*

Рыдания душили чувствительного литсотрудника. Этакая приключилась с ним, понимаете ли, поэтическая асфиксация. Задыхаясь, он показал жестом — назад, мол, к классикам!

Муза угрюмо процитировала:

*И Пушкину не поклоняться,
И Блока не боготворить.
Самим собою оставаться,
Чтоб стих самобытный творить!*

— «Своеобычный» тоже неплохо... Знаешь, Муза, почитай мне что-нибудь хорошее, а?

— «Случайно на ноже карманном...»
— Дальше! дальше! дальше!..
— Эпиграф из Александра Блока.
А дальше — больше, больше, больше, и, наконец, развязка:

*Чем же руководствуешься все же?
Счастье — блеф, ну где ж его
возьмешь?
Почему же нас всегда тревожит
Шурки Блока портативный нож?*

— Шурка, Шурка, где твоя улыбка? — раздумчиво сказал литсотрудник и запросил сильную дозу чего-нибудь философического. Муза пошарила по сусекам памяти и промелодекламировала:

*Когда тебя со мною нет,
Меня с тобою нету!*

Литсотрудник воспрял духом. Есть, есть в русских селениях нестандартно мыслящие любомудры!

Александр МАРКЕВИЧ

А между тем Муза выдала важную информацию:

*С каждой новой бутылкой вина
Начинается новый стакан.*

Литсотрудник чуть не лопнул от зависти: как же ему самому-то не приходила в голову мысль о столь очевидной диалектической взаимосвязи между содержимым (бутылки) и формой (стакана). Муза предупредила, как Минздрав:

*Любой загул кончается похмельем.
К тому же очень голова болит.*

Впечатлительный литсотрудник с трудом нащупал свою голову и, поняв, что она наотрез отказывается варить, прошептал:

— Душа моя, Муза, дай глоточек чистой лирики...

Тут дверь отворилась, и розовощекая писмоношка вручила литсотруднику телеграмму с пометкой «на «Конкурс одного стихотворения». Знаменитое однострочное произведение В. Брюсова «О закрой свои бледные ноги» в подметки не годилось этому, «телеграммному»: РЕДАКЦИЯ МНЕ ПЛОХО ЧТО Я ЖЕНАТ ЦЕЛУЮ ВСЕХ.

— Сильная вещичка, — сообщил литсотрудник 10 минут спустя. А Муза уже вовсю наяривала на лире нечто рок-н-ролливое:

*Я не могу забыть
Ночной звонок тревожный.
Мелькнула мысль:
жена пришла домой.*

— Ой! — вздохнул литсотрудник.

*За дверью тихий шорох осторожный.
Открыв ее, я увидел конвой.*

— Ой! — выдохнул литсотрудник, пошатнулся, но в кресле усидел. — Эй, — завопил он благим матом, — что ты там в сторонку откладываешь?!

— Это слишком интимно-личное, — потупив глазки, сказала Муза. Литсотрудник аж побагровел.

— В эпоху гласности запретных тем — нет!

Муза обреченно застегнула 10 верхних пуговичек на сорочке и пролепетала:

*Руки ласкают нежное тело.
Она поблдедела и хочет любви.*

— Ну и что здесь кое-где у нас порой из ряда вон? — возмутился он. — Хочет даже мило — «Она поблдедела и хочет любви...»

*Но парень прошептал через силу:
«Я не могу...»*

(Далее неразборчиво. — Прим. ред.)
— Товарищ Муза, встань! Ты присуствуешь при рождении (в муках) нового жанра — патологической лирики. Впрочем, почему бы и нет? Есть же в конце концов люди, которые...

— Десятки подобных текстов еще при жизни авторов просятся в антологию, — попыталась пошутить Муза, но — мимо денег.

— Нет, нам нужны здоровые, пышущие оптимизмом тексты, что строить и жить помогают! — изрек литсотрудник. — Муза, заряжай!

И Она забасила:
*Две мысли скачут в голове,
Как блохи в стареньком чулане:
Все хорошо у нас с тобой
И на словах, и на диване!*

— Про это я больше не желаю, читайте сами, — «напряглась» Муза, сделав отсутствующее лицо. Охочий — хлебом не корми! — до любовной лирики литсотрудник бросился читать...

*Влюблен в твои плечи покатые
И в белоснежную грудь твою,
На которой, соски
слегка темноватые
И которые кровь
слегка волнуют мою.*

«Слава Богу, что слегка...» — подумал литсотрудник, погружаясь в воспоминания. Покамест он погружался, Муза подложила ему под нос как бы библийский вариант происходящего:

*От потрясения пошатнулась дева,
Прижав Адама к трепетным соскам.*

Литсотрудник перепугался за дальнейшую судьбу своего отдаленного родственника и мысленно пожелал ему выпутаться из объятий «потрясенной» с наименьшими потерями. Муза принялась ворчать наподобие карги:

— ... и каждый норовит «закрыть тему» проституции. Мужики строчат «Отповедь проституткам», а поэтики — «Исповедь...»

— Как? Зачем?! — ужаснулся он.
— Чтоб заклеить! Мужики пишут по большей части таким макаром:
*И под глазами темные круги —
Твоя зарплата*

инвалютными рублями!

— Поделом ей! Ежели бы нашими, родными брала — круги были бы светлыми! Ну, а что слабый пол?

*Кто он? Не знаю. Кто-то из МИД.
Господи! Господи!
Только б не СПИД!*

— Такая тема-проблема актуальная, а ты издевку наводишь, не одобряю! — осудил Музу литсотрудник.
*За непрофессионализм меня не судите.
Своими стихами борьбу начинаю!*

— оправдалась Муза.

— В прозе боритесь! В прозе! — зарорал вдруг литсотрудник. — Штыком и гранатой!..

И, словно заразившись от него вездальным помешательством, а скорее всего бешенством, Муза пошла в пляс, припеваючи:

*Не смею никому
желать я тех мучений,
Испытаны что мной
при виде женских ног.*

*Я мру от сексуальных потрясений.
Бывало, что я просто жить не мог.*

Литсотрудника, естественно, скоропостижно хватил кондратий, и он, литсотрудник, рухнул на пол. Не переставая плясать, Муза отвинтила его голову и проветрила посредством форточки.

Под окном снежные бабы (в бикини) соревновались с инопланетянками (в чем мать родила) в соревнованиях на вселенский приз «Мисс Нематериальность».

Из его головы посыпались обрывки строк: «...я лежу, рожаю, для чего — не знаю», «и в каждой дева — полный сока ствол», «дева телесная будет ласкаться», «я в юности была зенитной пушкой и ни один не пропускала самолет»... Муза вытащила из района мозжечка индивидуальное средство защиты от стихоплетства, прочистила засорившийся фильтр и встала на место, как пробку. Голову привинтила.

— Что новенького пишут? — вяло спросил литсотрудник, потирая шею.

— По-прежнему в ходу стихи-передовицы, — отпартовала на все готовая Муза.

— А что это ты за спиной прячешь? — поинтересовался дотошный и неблагодарный тип.

— А это про меня лично. Не пойму, за что, но — под орех...

Литсотрудник изловчился и вырвал из ее рук листочек, успев зацепить взглядом лишь последнюю строфу:

*И только Муза, поправная мною,
Безжалостно избитая, в крови,
Сбежала от меня дорогою другою,
Чтоб не рожать стихи
о пламенной любви!*

Когда он поднял очи горе, Музы в комнате уже не было. Гора писем — и всё.

— Муза, где ты?
Ответа не последовало. Обиделась? А может, ее похитили? Кто, кто же похитил Музу? Он схватил чистый лист и, не раздумывая, начертил:

*До свидания, любимая моя,
До свидания,
прекрасный мой цветочек.
Ты пиши почаще, ну а я
Буду сочинять тебе стишочек.*

Вложил в конверт и не забыл про адрес: НА ДЕРЕВНЮ ДЕВУШКЕ. МУЗЕ. ЦЕЛУЮ ВСЕХ!

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ. В материале использованы фрагменты совершенно серьезных, без тени иронии текстов, присланных на «Конкурс одного стихотворения».

ИЗБИЕНИЕ МУЗЫ

(записки литсотрудника, найденные в корзине для бумаг)

БОЛЬ НА МИРУ

«Пуще всех того люблю,
кому сейчас
плохо...»

Алина ЧАДАЕВА
Фото Альберта ЛЕХМУСА

...Конец века не подобен ли концу света, если матери не знают сострадания даже к первенцу своему, и главное, что руководит их посылками и поступками, — предательство.

Письмо из 20-й больницы Ростова-на-Дону: «Мать оставила своего первого сына в роддоме из-за того, что у него врожденная расщелина губы и нёба. Во всех отношениях, кроме дефекта лица, здоров... Мы его оперировали, дефект устранили. Обратились вновь к родителям, но мать (инженер НИИ Агропромстроя. — А. Ч.) и бабушка категорически отказываются. ...Мальчика придется отдать в детский дом. Имя ему Руслан».

Письмо из Керчи: «Добрые люди! У нас в роддоме мать 24 лет оставила своего мальчика, так как он родился без левого глазного яблока. От нас этого мальчика перевезли в детскую боль-

ницу. Там все над ним плачут, а он смотрит своим одним глазком в потолок и ничего не знает».

Ребенок постепенно превращается в вещь, удобную или неудобную в быту. Даже о единичном — стоило бы сокрушаться о таком факте. Но ведь нет в нашей стране родильного или детского дома, где бы не было «отказников»...

Материнство было на Руси почти синонимом святости. Разрушение отечественных святынь коснулось и этой. Изменился самый инстинкт материнства, его нерассуждающая, немедленная жертвенность во имя спасения дитя от грозящей опасности.

Из решений районных народных судов Ростовской области о лишении родительских прав:

«Дорохина пьет, бросает своих детей и уходит к незнакомым мужчинам. Дети грязные, плохо одетые, ходят без присмотра и попрошайничают. Федоров часто избивает Дорохину в присутствии детей...»

«Ответчица Каримова иск признала, пояснив, что... дочь воспитывать не желает. Ранее она отдавала дочь в детский дом, так как ребенок часто болел».(?!)

«Четверо детей Красиковой нуждаются в изоляции от матери. В квартире грязь, ничем не вытравливаемый смрад, вседозволенность. Приходящие гости пьют спиртное, курят, бранятся...»

В прошлом году только в Ростовской области были лишены родительских прав двести два человека. В детских домах там числится более полутора тысяч воспитанников. Еще шестьсот — в домах ребенка.

...Синий осенний день. Идут по сельской дороге дети.

— Спойте, какая у вас самая любимая песенка?

Грянули дружно:

«Хорошо тебе, Наташа,
тебя мама родила.
А меня родил папаша,
мама в городе была».

Интернатский фольклор. Сдача блудным родителям с их тридцати сребреников.

«Любящий неправду ненавидит свою душу», — утверждает мудрая книга «Псалтырь». Ненависть — СПИД души, смертельный для детей, а значит, и государства. Исцелить от него может только любовь. Бескорыстная, не признающая разделения людей на «своих» и «чужих». По ней все — ближние. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Эта благая мысль Нового завета всегда была основой русской НАРОДНОЙ педагогики. Была и слава Богу! — кое-где остается...

Я приглашаю лишенных родительских прав А. Федорова и С. Дорохину, Веру Каримову, Нелли Красикову, мужа и жену Кирдей — родителей брошенного Руслана, сбжавшего от дочерей Василия Слепухина, матерей Миши и Максима, отказавшихся от сыновей, которые родились с дефектом лица, — всех приглашаю взглянуть на их преобразенных детей. Но не вздумайте приехать и порушить их счастливый покой. Довольствуйтесь «видом» сквозь стекло журнальных страниц.

Мне рассказывали: когда в семью Сорокиных приехал фоторепортер и попытался объять объективом все шестнадцать детских душ, Сережа в панике приказал брату Володе: «Отверни лицо; узнают, приедут — опять будут нервы мотать». Сережу и Вову можно понять: за их мальчишескими плечами несколько лет домашнего ада и почти пять — казенной жизни в детском доме.

Человек, который стал настоящим отцом шестнадцати ребятишкам (из них четырнадцать отвержены родными), свое отрочество тоже бедовал в детском доме на Кубани. «Это мои самые черные дни были, — вспоминает Михаил Васильевич. — Двойку получишь — без обеда оставят. Еще двойку — без ужина. По трое суток голодали. Пойдешь, с рогатки воробьев настреляешь, поджаришь...»

Через страдание — к состраданию: таков путь и смысл его пути. У Михаила Васильевича нет своей, отдельной от семьи жизни. На пяточке трехкомнатной квартирки с населением в двадцать — от мала до велика — душ он вводит в повседневность разумный ритм, не назойливо, но строго. И года еще нет, как появились у Сорокиных последние одиннадцать детей, а будто век тут живут вместе по издревле заведенному крестьянскому укладу большой семьи. Те, что постарше, помогают малышам; у каждого в доме свой участок работы — кому где убирать, кто за цветомузыку отвечает, кому идти в магазин...

«Максим у меня, — говорит отец, — самостоятельный мужик. Его надо выдлить, поставить главным. Вот я его прошу: «Проследи, чтобы Миша вовремя лекарство принимал». И уж можно не беспокоиться за Мишу... К каждому по-своему подойти надо».

Это уже нюансы нормального роста. Ранним утром в спальном комнате птичий щебет: «Доброе утро, мама-папа!» Чмок, чмок, Сережа-старший — ломающимся тенорком. Рома с Надей — полалфавита не выговаривая. В школу — из школы: не могут, чтобы не обнять, не поцеловать папу-маму. Заботы, горести, радости — им.

Естественно, призвание дерева — любить свои листья: поворачивать их встреч солнцу.

— Мамоchка, я сегодня четверку получила, по-настоящему!

Мама Татьяна Васильевна и есть домашнее солнышко... И все больше похожими на мать становятся дети. Расцветают глаза добротой, все меньше истеричности в голосе, в жестах.

Разве такими были они, когда только-только переступили порог своего нового (наконец-то настоящего!) дома. Почти у каждого — шрамы. Вдвойне страшные, ибо от родительских побоев. У всех без исключения сжавшаяся от страха и бесконечного поругания душа. Трехлетняя Надюшка и сейчас еще кричит и плачет по ночам. Съезживается от протянувшейся к ней — даже для ласки — руки. «Когда Мишу из Дома ребенка забирали, — вспоминает Михаил Сорокин, — он такси увидал — орет, отбивается, вот до чего испугался. Он же никогда живой машины не видел. Букашку какую заметят — опять в крик, слезы. А разговаривали как? Только шепотом».

Сережа (ему сейчас десять, а он только впервые пришел в школу) сначала все бродил по магазинам, просил подавание, потом стал бутылки собирать, сдавать — на пирожки, ситро, не на баловство какое-нибудь. Думал, придется жить, как раньше, у неработавшей матери своей Нелли Красиковой, где пять человек перебивались на восемьдесят рублей пособия четверым ребятишкам. Не верил, что бывает иначе...

Старший из мальчиков, тоже Сергей, двенадцатилетний отрок, смотрю, не пляшет вместе со всей оравой в веселый вечерний час под пестрое мигание цветомузыки.

— Ты что, сынок, не заболел? — тревожится Татьяна Васильевна.

— Я плясать буду, а ты в это время белье стирать, да?

Поздно вечером, когда утих детский гомон, взрослые собрались посидеть в тишине на кухне.

— Сережка не ложится, — шепотом сообщила Татьяна Васильевна. — Нашел мою старую сумку, сидит, ремонтирует. — И повернула к мужу, ко мне, ко всему свету счастливое лицо.

Есть в Евангелии от Иоанна благая мысль о нерасторжимом единстве Отца и Сына. «Не может Сын от себя творить ничего, если не видит Отца творящего: ибо что Он творит, то же и Сын творит. Отец бо любит Сына и все показывает Ему, что сам творит». В словах этих заключена высшая модель отеческо-сыновних отношений: вершить земные деяния любовью, заповеданной родителем, пославшим дитя в мир. Не случайно в предшествующей главе рассказывается притча о том, как «некий царев муж» пришел вслед за Христом в Галилею и умолял Его исцелить умирающего сына, лежащего на одре болезни в селении Капернаум. Иисус попенял просителю, полагая, что он ждет от него чудес и знамений, а без них веры не имеет. Но не чуда воскрешения просил отец мальчика, а по вере своей молил об исцелении сына. «Иди, сын твой жив есть», — ответил Спаситель.

Вера в милосердную любовь — вот путь исцеления. По этому пути и идут Михаил и Татьяна Сорокины.

Из дневника Татьяны Васильевны: «...Начинаю готовить своих ребят к операции. Осталось самое тяжелое для них — зашить расщелину во рту».

Зашить расщелину предстояло сначала Максиму, потом Мише, многострадальным малышам, уже выдержавшим по несколько хирургических вмешательств.

«24 ноября 1988 года. Максим ушел в операционную веселенький в 11 дня, а привезли его в половине четвертого, всего окровавленного. Тяжело отходил от наркоза, сильно кашлял сгустками крови, все простыни и полотенца были в крови. Саша (старшая приемная дочь Сорокиных. — А. Ч.) помогала мне его держать. Ничего не говорит, мне сегодня работать в ночь. Вот и пишу на работе. Утром — в больницу».

«25 ноября. Была у Максима. Ничего не говорит. Только глазами показывает «да» и «нет». Но уже не плачет. Лежит молча, и одни глазки жалобно смотрят...» Всякая истинная мать знает: лучше болеть самой, чем корчиться от душевной боли возле страдающего ребенка. Тяжкий этот крест несли и Татьяна Васильевна: ее сын Вася от рождения немощен и — еле ходящий — год от года теряет зрение. Ей ли не знать, что единым материнским участием только и жив будет поверженный в муках маленький человек. Потому и взяли они с Михаилом Васильевичем Мишу с Максимом, которым предстояло пережить в общей сложности десять операций. Мише, потерявшему много крови во время одной из операций, Татьяна Васильевна отдала свою. Не случайно, наверное, группы их крови оказались одинаковыми. А теперь тетешкают и крошечного — года нет еще — Руслана, «Рустика», как нежно зовет его вся ватага сорокинских детей. Рустик — всеобщий любимец; и самый ма-

ленький, и сколько мук ему предстоит: операции по зашиванию неба возможны только с пяти лет.

...Он всегда был в Татьяне Сорокиной — дар любви к детям, жар жалости к обездоленным. Это чувство, видимо, счастливая особенность ее рода. При нас в поселок Рассвет приехала родная сестра Татьяны Васильевны Вера Болдырева. У нее в станице Мелиховской тоже сборная большая семья. Четверо ребят, ею рожденных, пятого носит под сердцем, еще пятерых взяли из детских домов...

— Пуще всех того люблю, кому сейчас плохо. — Даже и интонации у сестер Татьяны и Веры одинаковые.

Много добрых людей вокруг семьи Сорокиных. Да и не состояться бы ей в такой многочисленности, если бы не попечительство Ростовского отделения Советского детского фонда — неустанное, касающееся всех сфер жизни семейного детского дома. Фонд взял на себя ВСЕ расходы на содержание приемных ребят. Поэтому и трудовая книжка Татьяны Васильевны перекочевала из НПО «Дон», где она работала инженером, в рono; теперь ее главная профессия — мать-воспитатель.

Елена Константиновна Елисева, инспектор облуню, и Маргарита Владимировна Толкачева, референт Ростовского отделения детского фонда, попросту говоря, повивальные бабки семейных детских домов в области. «Милосердие никогда не умирало на русской земле, даже в самые «глухонемые» годы». — У Маргариты Владимировны есть основания так считать. Сердобольные люди переводят сбережения на счет 707, даже графически похожий на сигнал бедствия SOS. В списке пожертвовав-

Грегори МАКДОНАЛЬД

ФЛЕТЧ

— Начинаю догадываться.
 — Я хочу, чтобы вы убралась из города. Немедленно.
 — Вот тебе и защита полиции!
 — Вы можете найти оправдание ранее перечисленным мной правонарушениям, в том числе и хранению героина, но трое моих полицейских могут показать под присягой, что прошлой ночью вы ударили каждого из них, когда они находились при исполнении служебных обязанностей.
 — Вы же не арестовали меня.
 — Мы хотели задержать другого человека.
 — Неужели для задержания семнадцатилетнего наркомана нужно семь полицейских?
 — Благодаря вашему вмешательству трое из этих семерых были ранены.
 — Почему же вы сразу не арестовали меня?
 — Вы хотите попасть в тюрьму, мистер Флетчер?
 — Разумеется, нет, шеф.
 — Мистер Флетчер, сейчас я отдам два приказа, и вам придется выполнить оба. Первый. Если у вас есть какая-либо информация о распространении наркотиков на побережье, вы должны передать ее нам. Есть у вас такая информация?
 — Нет.
 — Совсем нет?
 — Только Толстяк Сэм.
 — Вы не так уж умели в своем деле, не правда ли?
 — Мне очень помогает редакция.
 — Второй приказ состоит в том, что вы обязаны покинуть город до полудня. И не возвращаться назад. Никогда. Понятно?
 — Чего вы боитесь?
 — Только не вас.
 — А мне показалось, что дело именно в этом.
 — Мы сами проводим расследование, мистер Флетчер. Это работа полиции. Наскоком тут ничего не добьетесь. Нам требуется время.
 — Два или три года?
 — Мы рассчитываем выявить всю сеть торговцев наркотиками в ближайшие месяцы. Это тяжелая, сложная работа. Частное расследование, даже проводимое газетой, может привести к тому, что наш труд

пойдет насмарку. Надеюсь, я выразился достаточно ясно: или вы уезжаете из города, или оказываетесь за решеткой, выбраться откуда вам будет очень и очень непросто. Хранение героина и нападение на трех полицейских при исполнении служебных обязанностей вполне достаточно для вынесения обвинительного приговора.

- Вы меня убедили.
- Так что, покинете город?
- Я больше никогда в нем не появлюсь.

ГЛАВА 21

Время приближалось к девяти утра. Люди спешили на работу. По Главной улице машины шли бампер к бамперу.

В полутора кварталах от полицейского участка к тротуару подрулил серый «ягуар ХКЕ» с номерным знаком 440-001. Тот самый автомобиль, который предстояло украсть Флетчу через шестьдесят часов, сразу же после убийства Алана Стэнвика.

Флетч сел на переднее сиденье.
 «Ягуар» Стэнвика влился в поток машин.
 — Что ты делал в полицейском участке?
 — Меня допрашивали.
 — Почему?
 — Исчезла девушка, которую я знаю. Девушка по имени Бобби.
 — Ее исчезновение связано с тобой?
 — Нет, но мне придется убраться из этого города, да побыстрее. Как вы узнали, что я в полицейском участке?

— Я спрашивал у пивного ларька. Того, что уже открыт в восемь утра. Ну и жизнь у тебя! Какой-то лопухий подросток сказал, что видел тебя на заднем сиденье патрульной машины.

Алан Стэнвик прикурив от золотой зажигалки, которую достал из кармана, не пользуясь той, что была в приборном щитке. Солнцезащитные очки скрывали его глаза.

- Что вы хотите? — спросил Флетч.
- Убедиться, что все идет, как положено. Паспорт получил?
- Пойду за ним завтра.
- Перчатки?
- Куплю пару.

- Ты подал заявление на паспорт?
- Да, даже сфотографировался.
- Отлично. Помнишь, что тебе предстоит сделать?
- Конечно. Вы еще не передумали?
- Стэнвик выпустил струю дыма.
- Нет.
- Вы уверены, что умираете от рака?
- Да, почему ты спрашиваешь?
- Выглядите шикарно.
- Признаки болезни проявляются не сразу. Я хочу умереть раньше.
- Они остановились на красный свет.
- Так почему бы вам не разбиться на самолете?
- Плечи под пиджаком Стэнвика шевельнулись. Могучие плечи.
- Если хочешь, назови это гордостью. Когда проводишь всю жизнь, стараясь удержать самолеты в воздухе, очень трудно направить последний из них в землю.
- Дорогостоящая гордость.
- Люди, бывало, за гордость расплачивались и по дороге, чем пятьюдесятью тысячами.
- Полагаю, что да.
- Ты запомнил, где находится дом?
- На Бермэн-стрит.
- Точно. И как ты доберешься туда?
- Я доеду на такси до пересечения Главной улицы с Хауторн-стрит, а дальше пройду пешком. Это другой округ, а расстояние всего две мили.
- Молодец. Ты помнишь номер рейса?
- Нет. Вы же не говорили.
- Стэнвик смотрел на него сквозь темные очки.
- Самолет компании «TWA», вылет в одиннадцать в Буэнос-Айрес.
- Это я помню. Номера рейса не знаю.
- Я пока — тоже, — ответил Стэнвик и подъехал к тротуару. — Думаю, нам не следует сближаться. Я не хочу ничего знать о тебе. И тебе лучше забыть то, что прочел обо мне в газетках.
- Так уж получилось, что я запомнил.
- А теперь забудь. Я высажу тебя здесь.
- Мы же проехали через весь город! Как я доберусь обратно?
- Поймай попутку.
- Премного благодарен за совет.
- Увидимся в четверг вечером...

ГЛАВА 22

Флетч позвонил в дом 15641В на Патнэм-стрит и оглянулся на свой «MG», приткнувшийся к тротуару. Сквозь стекла солнцезащитных очков зеленая краска автомобиля сливалась с зеленой лужкой.

— Да? Кто там? — спросил мелодичный голос.
 Флетч наклонился и прокричал в микрофон:
 — Я от управляющих, братьев Грин, мисс Фолкнер!
 — Одну минуту.
 Флетч поправил галстук.

Лицо Сандры Фолкнер не выражало особого дружелюбия. Она была в черных брюках и блузе свободного покроя, пышно взбитые обесцвеченные волосы падали на плечи.

Флетч остолбенел. Внешне Сандра Фолкнер не шла ни в какое сравнение с Джоан Коллинз Стэнвик. Наверное, решил он, она брала свое в постели.
 — Я представитель братьев Грин, — сурово сказал он.

Мисс Фолкнер, не мигая, смотрела на него.
 — Что вам угодно?
 — Мы бы хотели поговорить с вами.
 — У вас есть какой-нибудь документ?
 — На вашем месте, мисс, я бы не вел себя столь вызывающе.

— Что?
 — Соседи жалуются на вас, и мы подумываем о возможности судебного пресечения вашего аморального поведения.

— Вы, должно быть, шутите?
 — Совсем нет. Если вам хочется стоять на пороге, пока мы будем обсуждать этот вопрос, я согласен. Или вы предпочтете пройти в комнату, чтобы нас не слышали соседи?

Она отступила назад, оставив дверь открытой. Флетч вошел и закрыл дверь.
 — Ради бога, объясните, о чем вы говорите?
 — Прекрасно все понимаете. Вы сейчас одна?
 — О господи!
 Флетч прошел в гостиную.
 — Упоминание имени божьего вас не защитит.

я с удовольствием продолжу этот разговор в скором будущем. А пока напоминаю о повестке, вызывающей вас в суд в пятницу утром. Советую сегодня, до полудня, явиться в полицию и назвать себя, после чего вас арестуют. Тогда у вас хватит времени освободиться под залог и предстать в пятницу перед судом.

— Премного вам благодарен, мистер Джиллетт. Увидимся в вашей церкви.

Флетч дожевывал вторую половину первого сэндвича, коря себя за разговор с Сандрой Фолкнер, когда вновь зазвонил телефон.

— Да?

— Флетч? Это Барбара.

— Барбара, моя первая жена?

— Несколько дней звоню тебе каждые полчаса, надеюсь поговорить с тобой до того, как придет повестка.

— Я получил ее к ленчу.

— Прости, Флетч.

— Какие пустяки, дорогая. Забудь о ней. Стоит ли давним друзьям портить отношения из-за неуважения к суду.

— Это все адвокаты, Флетч. Они настаивают. Их очень беспокоят те восемь тысяч долларов, которые ты мне задолжал.

— Так много?

— Восемь тысяч четыреста двенадцать долларов.

— О-го-го. Мне следовало помнить об этом. С моей стороны это непростительно.

— Я действительно не виновата, Флетч. Я имею в виду неуважение к суду. Это все они.

— Не волнуйся, Барбара. Ерундовое дельце. Заскочу в суд в пятницу утром, и в мгновение ока вопрос будет решен.

— Ты прелесть, Флетч.

— Ну, ну...

— Мне не так уж нужны эти деньги. Я знаю, сколько ты получаешь в газете. Тебе негде их взять.

— Понятно.

— Правда?

— Конечно, Барбара.

— Флетчер, я все еще люблю тебя.

— Я знаю. Ужасно, правда?

— Мы развелись два года назад.

— Так давно?

— С тех пор я тебя ни разу не видела. Я пополнела.

— Неужели?

— Слишком много ем. Слышала, ты снова женился и опять развелся.

— Теперь-то я понимаю, что ты — моя единственная любовь.

— Правда? А почему ты снова женился?

— На меня что-то нашло.

— Но потом ты развелся.

— Видишь ли, Барбара, я не поладил с котом. Один из нас должен был уйти. Кот ушел первым.

— Я не звонила тебе, пока ты был женат.

— Спасибо.

— Только на прошлой неделе узнала, что ты развелся. Случайно встретила Чарли.

— Как он поживает?

— Флетчер, а может, у нас все наладится?

— Ты сильно поправилась?

— Очень. Я стала толстухой.

— Жаль.

— Мне не нравится моя квартира. А ты по-прежнему живешь на Клипуотер-стрит?

— Да.

— Я жалею о том, что развелась с тобой, Флетчер. Не могу себе этого простить.

— А, ерунда. Легко сошлись, легко разошлись.

— Это не смешно.

— Я никак не могу довесть сэндвич.

— Флетч, я хочу извиниться. За то, что развелась с тобой.

— Не думай об этом.

— С тех пор я повзрослела.

— Наверное, это приходит с лишним весом.

— Знаешь ли, меня очень беспокоили женщины.

— Женщины?

— О, Флетч. Ты же спал со всеми подряд. Постоянно. Иногда ты уезжал на несколько дней кряду. Иногда на целую неделю. Я хочу сказать, ты никогда не колебался.

— Меня легко соблазнить.

— Я не могла этого перенести. Казалось, глаза всех женщин говорили мне: я тоже спала с твоим мужем. Я сходила с ума.

— Это хороший повод для развода.

— Но теперь я повзрослела и готова с этим смириться.

— Правда?

— Да, Флетч. Я все поняла. Ты — нимфоманка мужского пола.

— Нет.

— Да, Флетч. Ты не пропускаешь ни одной юбки, чтобы не залезть под нее.

— Ну...

— Ты не станешь этого отрицать.

— Ну...

— Я с этим смирилась. Но тогда я этого не понимала.

Флетч отпил молока из пакета.

— Флетч?

— Да, Барбара?

— Как, по-твоему, мы сможем снова жить вместе?

— Какая прекрасная мысль.

— Ты серьезно?

— Разумеется, Барбара.

— В конце недели у меня кончается аренда.

— Переезжай ко мне в пятницу.

— Правда?

— В пятницу утром. К сожалению, я не смогу помочь тебе перенести вещи. Мне надо забежать в суд на несколько минут.

— Я знаю. Это ужасно.

— Но все уладится, если ты будешь в моей квартире, когда я вернусь.

— У меня много вещей. Придется нанять фургон.

— Ничего. Воспользуйся грузовым лифтом. Расставь все, как тебе хочется. А потом я приглашу тебя на ленч.

— Потрясающе! Флетч, ты — чудо.

— Все будет, как прежде, Барбара.

— Мне пора собираться.

— Увидимся в пятницу. Может, я смогу вырваться на уик-энд.

— Флетч, я тебя люблю.

Флетч потянулся за второй половиной второго сэндвича, когда раздался очередной звонок. Время близилось к двум часам.

— И. М. Флетчер слушает.

— Флетчер, это ты?

— Линда... моя вторая жена?

— Что случилось с тобой той ночью?

— Какой той ночью?

— В пятницу. Ты попросил меня приехать к тебе. Но тебя не было.

— Меня задержали.

— Это не смешно, Флетчер. Если это шутка, то мне она не понравилась.

— Ты сердись?

— Разумеется, нет. Придя в твою квартиру, я приготовилась. Вымыла голову и все остальное. Еле фен разыскала.

— Ты вымыла голову?

— Я ждала и ждала... Даже заснула на кушетке.

— Бедная Линда!

— Это не смешно.

— Я же говорил тебе, что накурился травки.

— И что произошло?

— Оказался на берегу океана.

— Разве ты не мог подождать меня?

— Не знал, что так выйдет.

— Ты провел ночь с женщиной?

— Да.

— Чего ж от тебя ждешь!

— Линда, я думал...

— Оставь свои мысли при себе.

— После той ночи мне пришлось задуматься.

— Я понимаю. Ты всегда был мыслителем.

— После той ночи я постоянно думаю о тебе. Как ты знаешь, в газете платят мало.

— Знаю. Кстати, мистер Джиллетт сказал, что по твоему чеку нельзя получить деньги.

— Да. В пятницу утром я предстану перед судом.

— Бедный Флетчер.

— Полностью с тобой согласен. Линда, мы должны решить, что делать дальше.

— О чем ты?

— Ну, я зарабатываю не так уж много, ты потеряла работу в магазине. Короче, нам нет смысла платить за две квартиры.

— Мы же в разводе.

— Что из этого? Ты же хотела вернуться в прошлую пятницу.

— И сейчас хочу.

— Так что тебя останавливает? Сдай свою квартиру и переезжай.

— Я не возражаю.

— Вот и отлично. Переезжай.

— Когда?

— В пятницу утром. Мы сможем вместе провести уик-энд.

— Ты хочешь, чтобы я переехала к тебе насовсем?

— Конечно. Сдай свою квартиру, закажи грузовой фургон и привози вещи в пятницу. Расставь все, как тебе нравится, и жди, пока я вернусь из суда.

— Правда?

— Ну, конечно же! Ты это сделаешь?

— Обязательно. Чудесная идея.

— Я думаю, в этом есть смысл, не так ли?

— Я все равно ненавижу квартиру, в которой живу.

— Может, тебе стоит приготовить ленч к моему возвращению? А в субботу утром мы куда-нибудь уедем.

— Непременно приготовлю. Я так тебя люблю, Флетч.

— Я тоже. Люблю тебя. До пятницы.

ГЛАВА 24

— Клара Сноу — бестолковая идиотка. Она ничего не понимает в журналистике. И не способна ничему научиться.

Фрэнк Джефф, главный редактор «Ньюс-Трибюн», бывал трезвым лишь несколько минут в день. И уж, во всяком случае, не в два часа пополудни. В девять утра он сидел набычившись, с налитыми кровью глазами. К одиннадцати начинал соображать, что к чему, но уже нервничал: каждый, кто входил в кабинет, являлся помехой на пути к первому мартини. В одиннадцать тридцать он покидал редакцию. От двух до половины четвертого он еще мог соображать. После пяти его нетерпение достигало предела. Вечерняя выпивка начиналась с шести. К девяти часам Фрэнк напивался как сапожник. По вечерам он часто звонил в редакцию, выкрикивая распоряжения, которые никто не мог разобрать. Немалую часть следующего дня он отменял эти распоряжения. Кроме него, их никто не помнил и соответственно не выполнял. Из кабинета главного редактора выплескивался целый поток «разъяснений», которые только нервировали сотрудников.

Флетч даже удивлялся, как Фрэнку хватало сил на Клару Сноу.

— Что? — Взгляд Фрэнка остановился на Флетче.

— Клара Сноу — бестолковая идиотка, не понимает, как готовятся статьи. Она так глупа, что не может этому научиться.

— Она — твой начальник.

— Она — бестолковая идиотка. Из-за нее меня чуть не убили. Возможно, еще и убьют.

— Что она сделала?

— Я пишу статью о распространении наркотиков...

— И, надо сказать, чертовски долго.

— Клара Сноу сообщила начальнику полиции, что я провозжу расследование и кое-что нащупал.

— И что тут плохого? Тебе может понадобиться защита полиции.

— Я уверен, что наркотики попадают на побережье через начальника тамошней полиции.

— Ты шутишь.

— Отнюдь.

— Через Грэхема Каммингса? Я знаю его десять лет. Пятнадцать. Это прекрасный человек.

— Наркотики идут через него.

— Как бы не так.

— Именно так.

Фрэнк не любил смотреть в глаза собеседнику.

— Флетчер, я думаю, тебя пора снимать с задания.

— Черта с два!

— Ты угробил столько времени, и все впустую. Колешься небось на пляже да развлекаешься.

— Если вы снимете меня с этой статьи, Фрэнк, я отнесу ее в «Кроникл-Газетт» и опубликую с примечанием, что вы отказались принять ее у меня.

— В последнее время ты что-то ополчился на полицию.

— Наркотики на побережье привозит Грэхем Каммингс.

— У тебя есть доказательства?

— Я все напишу.

— Доказательств у тебя нет.

— Вдобавок он вышвырнул меня из города. Если бы утром я честно признался, что у меня есть доказательства, он бы меня убил. Просил же Клару Сноу звонить в полицию.

— А Клара обратилась ко мне. Я ей разрешил.

— Это же глупо, Фрэнк. Если б мне требовалось полицейское прикрытие, я бы сам нашел Каммингса. А так вы и Клара, не выходя из кабинета, подставили меня под удар.

— Ты сказал Кларе, что подозреваешь Каммингса?

— Нет. Когда я говорил с ней в прошлую пятницу, я его еще не подозревал.

— Так в чем дело?

Фрэнк походил на печальную жабу, сидящую на дороге. По мере того, как до него доходил смысл слов Флетча, грудь его расширялась, щеки надувались, глаза вылезали из орбит. Лицо Фрэнка багровело.

На вращающемся кресле он развернулся вполборота к столу. В таком положении он мог не смотреть на Флетча.

— А теперь выслушай меня, Флетчер. Клара говорит, что ты — отвратительный тип. Одеваешься, как бродяга, ходишь по редакции босиком, никогда не берешь телефонную трубку. Она понятия не имеет, работаешь ты или бездельничаешь. Не признаешь редакторской правки, грубишь, не выполняешь ее указаний.

— Стоит ли тогда удивляться, что она подставила меня под пулю.

— Опять ты грубишь. Клара даже не подозревала, к чему может привести ее звонок в полицию, да и меня ты еще не убедил. Грэхем Каммингс — честный человек.

— Я говорю, что Клара — идиотка, она утверждает, что идиот — я. Знаете, какой напрашивается вывод?

— Какой же?

— Разведите нас. Если вы считаете, что она должна быть редактором, пусть она портит кровь кому-то еще.

— Я этого не сделаю. Придется тебе жить с ней.

— Нет. Хватит того, что с ней живете вы.

Фрэнк резко повернулся к Флетчу. Попытался пронзить его взглядом, но вместо этого еще больше побагровел.

— Ты висишь на ниточке, парень.

— Ваша газета держится на моих статьях.

— Если б не твоя «Бронзовая звезда», я бы уволил тебя сию минуту.

— Речь идет о том, Фрэнк, что я готовлю статью о распространении наркотиков на побережье. Я не драматизирую ситуацию, но меня могут убить. Если убьют, руководство газеты должно знать, почему это произошло. Я уверен, что наркотики поступают через начальника полиции Грэхема Каммингса. Своим звонком Клара Сноу предупредила Каммингса, что я иду по его следу. Сегодня утром он вызвал меня к себе, чтобы выяснить, много ли я знаю. Это случилось после того, как воскресной ночью я попытался попасть в тюрьму: уложил трех полицейских в присутствии их начальника. Меня стукнули по голове, но не арестовали. В кабинете Каммингса я прикинулся дурачком. Круглым идиотом. Я сказал, что ничего не знаю, за исключением самого очевидного. Он велел мне убраться из города. Отсюда следует, что он мог убить меня, заподозрив, что у меня есть доказательства его вины. Я мог умереть из-за вас и вашей бестолковой Клары Сноу.

— Ты слишком драматизируешь.

— Возможно.

— И что дальше? Ты не хочешь заканчивать эту статью?

— Я ее напишу.

— Когда?

— Очень скоро.

— Я хочу посмотреть ее.

— Вы ее посмотрите.

— И не забудь про вручение «Бронзовой звезды» в пятницу утром.

— Как можно, Фрэнк. Присылайте репортеров. Не терпится увидеть свою физиономию в субботнем утреннем выпуске. Вот тогда-то меня точно укокошат.

— Ты получишь эту медаль.

— Обязательно, Фрэнк. В пятницу, в десять утра, из рук командира военно-морской базы.

— Ты получишь медаль, Флетч, или пятница станет твоим последним днем в газете.

— Постараюсь не разочаровать вас, Фрэнк.

— Между прочим, Клара также сказала, что вокруг тебя без конца вьются какие-то скользкие адвокаты. Держи их подальше от редакции.

— Хорошо, Фрэнк.

Флетч встал. Тон его голоса враз переменялся:

— Что вы можете сказать об Алане Стэнвике?

— Дерьмо.

— Почему?

— Стэнвик выступал против каждого законопроекта по охране окружающей среды, представленного за последние пять лет.

— И добивался своего?

— Да, добивался.

— Что еще вы о нем знаете?

— Ничего. Дерьмо он, и все. Иди за своей пулей. Может, тогда у нас будет, что печатать.

— Спасибо, Фрэнк.

— Всегда рад помочь.

ГЛАВА 25

— Добрый день, сэр.— Старший официант узнал его, хотя Флетч пришел в костюме. Работая в теннисном павильоне, этот человек зарывал талант в землю.— Вы ищете Андервудов?

— Честно говоря, я ищу Джоан Стэнвик,— ответил Флетч.

— Миссис Стэнвик играет в теннис. На третьем корте. На балконе есть свободный столик. Вы позволите принести вам апельсиновый сок с водкой?

— Благодарю.

Флетч прошел к круглому столику. Зал украшали корзины цветов. Джоан Стэнвик играла с какой-то женщиной.

— Ваш сок, сэр. Записать его на счет Андервудов?

— Пожалуйста.

Половина корта находилась в тени, что затрудняло подачу. Флетч подумал, что в «Рэкетс-клубе» Джоан Стэнвик могла бы получить корт получше.

В теннисном павильоне еще не все сменили шорты на костюм, хотя время близилось к шести.

Джоан Коллинз Стэнвик играла профессионально, но без той страсти, что отличает чемпионов. Хорошо обученный, опытный игрок, она не вкладывала в игру душу. Она все умела и откровенно скучала.

Джоан выиграла сет, подошла к сетке, обменялась

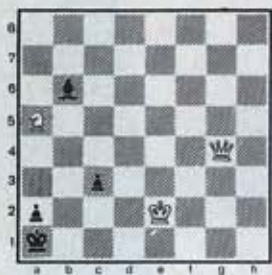
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО
Итоги конкурса
составления задач-миниатюр
Трехходовки, 1987—89

I приз
А. Владимиров
Алтайский край
Н. Зиновьев
г. Усть-Каменогорск

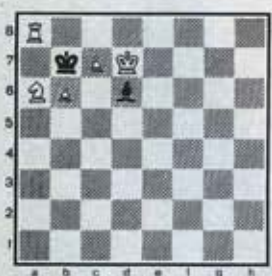
1. Крb5 (цугцванг) 1...Крb2 2. Фa3+! Кр:a3 3. Кc4x, 1...b2 2. Ф:a2+! Кр:a2 3. Лa8x. Две нестандартных жертвы белого ферзя на смежных полях разного цвета!

II приз
В. Антипов
г. Боровичи

1. Фa4! С:a5 2. Фc2 (угроза) и 3. Фc1x, 1...Крb2 2. Кc4+ Крb1 3. Фd1x, 1...Крb1 2. Фd1+ Крb2 3. Кc4x. Все три мата — правильные. В двух главных вариантах происходит чередование вторых и третьих ходов белых фигур.

III приз
О. Амыров
Алтайский край

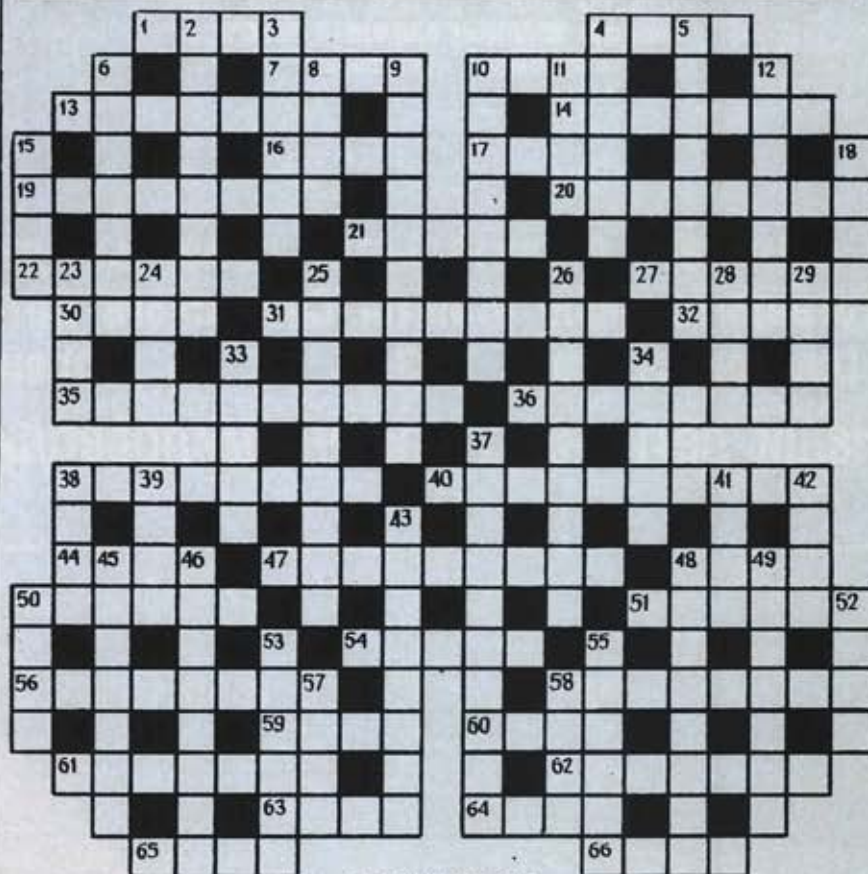
1. с8К! Кр:a8 2. Крc6 3. b7x, 1...Сb8 2. Кc5+ Кр:a8 3. b7x. Неожиданное слабое превращение на первом ходу в очень сильной позиции приводит к двум правильным матам двумя конями и пешкой.

Задачи, получившие другие отличия в конкурсе, будут опубликованы в следующем номере журнала.

Итоги конкурса — предварительные. Замечания следует присылать в течение двух месяцев после публикации итогов.

КРОССВОРД

Составил Г. Дробот, Днепрпетровск

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Фигура, в которой меньше 180 градусов.
4. Предохранитель у ручной гранаты.
7. Второй сборник новелл С. Цвейга.
10. Место подвигка в одноименной повести А. Куприна.
13. ...Егоровна — говорунья, пустомеля.
14. Цветок, визитная карточка Сингапура.
16. Одна морская миля в час (мера).
17. Синоним почерка, стиля писателя.
19. Лекарственное растение, которое найти так же трудно, как найти клад.
20. Советская актриса. Впервые снялась в фильме «В бой идут одни «старики»».
21. Вид гравюры, название которой в переводе с французского значит «крепкая водка».
22. Птица, символ борьбы испанских колоний за независимость.
27. Герой гражданской войны, прототип героя в романе А. Серафимовича «Железный поток».
30. Членистоногое животное. В 1924 году обнаружено даже на высоте 6600 метров на Эвересте.
31. Одна из трех греческих богинь красоты.
32. Земля на западе ФРГ.
35. «Лыком шитый купец» (Н. Некрасов).
36. Опера Я. Пери, первая из тех, музыка которых сохранилась.
38. Автор романа «Калитан Сор-

ви-голова». 40. Итальянский физик, развеивший мнение, что «природа боится пустоты». 44. Кавказская курица, быстро бегущая даже по крутым горным склонам. 47. Морозоустойчивый гибрид вишни и черемухи, выведенный И. Мичуриным. 48. «Все кажется в другом ошибкой нам; а примешься за ... сам, так напраказишь вдвое хуже» (И. Крылов. «Обоз»). 50. Парча с шелковой или бумажной основой. 51. Морская родственница слона. 54. Добрая жена — веселье, а худая — злое ... (поговорка). 56. Латинскоамериканское государство, отметившее в прошлом году столетие со дня отмены рабства. 58. Полководец, назвавший М. Кутузова «старым лисом Севера». 59. Город северо-восточнее Нанта с музеем шпалер. 60. Французский композитор, первой оперой которого была «Петр и Екатерина». 61. Самый древний на русском Севере писчий материал. 62. Каждые 16 страниц книги. 63. Одно из русских народных названий девясила. 64. Знак препинания. 65. Высокая крутая скала. 66. Декоративное орнаментальное письмо.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Инструмент, которым в экспедициях В. Баренца измеряли высоту солнца над горизонтом. 3. «Золотая медь» Древней Греции. 4. Самоцвет, названный по крупнейшему притоку Олекмы. 5. Сподвижник Богдана Хмельницкого. 6. Амазонская ... — величайшая в мире. 8. Форма лекарства. 9. Химический элемент, обеспечивающий ярчайшее сияние сверхновой звезды. 10. Фехтовальщик. 11. Один из самых известных полководцев гражданской войны. 12. Сосуд, разбитый на куски героем в стихотворении Н. Огарева «Алхимик». 15. Короткая прическа. 18. Название статуй Микеланджело и Торвальдсена, посвященных греческому богу виноградарства. 23. Высший сорт фаянса. 24. Приморский курорт в Англии. 25. Житель страны, где издадут международную «Красную книгу». 26. Мир как целое в философии. 28. Сухая долина в пустынях Аравии и Северной Африки. 29. Бойкий, проворный мальчик (по Далю). 33. Норвежский драматург, никогда не писавший 31 декабря, боясь, что это, по

поверью, обернется творческим бесплодием в наступающем году. 34. Река, вытекающая из озера Гарда и впадающая в По. 37. Самая яркая звезда в созвездии Южной Рыбы. 38. Дорожный сундук, большой чемодан. 39. Фольклорная форма «Малахитовой шкапулки» П. Бажова. 41. Оградительный трос вдоль бортов судна. 42. Армяне — хай, грузины — картвели, осетины — ... 43. Африканское животное, чей язык почти столь же длинный, как и его тело. 45. Полевой госпиталь. 46. Дипломатический ранг. 48. Африканский зверь, способный стрелять своими иглами. 49. Совокупность условных знаков и пояснений к географической карте. 50. Название залива в наших северных морях. 52. Живущий в Японии народ, до сих пор справляющий «медвежий праздник». 53. Стилистическое неблагозвучие типа «о оазис!». 55. Олимпийский легкоатлет, трехкратный чемпион Олимпийских игр в тройном прыжке. 57. Город в Индии (союзная территория Путтучери). 58. Каустическая сода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

7. Батист. 9. Кузмин. 11. Оникс. 14. Часток. 15. Квинтиллиан. 16. Лилия. 18. Нерча. 21. Хобби. 22. Пианиска. 23. Бекар. 26. Уелги. 28. Душа. 29. Медведка. 30. Юрфе. 33. Жара. 34. Послание. 35. Ерза. 36. Скотт. 39. Эванс. 42. Белиберда. 43. Языки. 44. Тесть. 46. Шагал. 50. Ахмадулина. 51. Ортоклаз. 52. Истод. 53. Синтез. 54. Зарево.

По вертикали:

1. Ласточка. 2. Вилка. 3. Атолл. 4. Иксия. 5. Дзета. 6. Библиотека. 8. Цикл. 10. Мачете. 12. Квикстеп. 13. Разбег. 17. Иена. 19. Ницшеанец. 20. Скворода. 24. Карпо. 25. Рдест. 26. Уджаз. 27. Ларга. 31. Фотография. 32. Дилижанс. 37. Казахи. 38. Щеп. 40. Воейкова. 41. Нитрат. 45. Путто. 46. Шизм. 47. Гать. 48. Лодзь. 49. Штурм.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1501) ДЕКАБРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ

(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САОШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Оформление
Александра КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

Сдано в набор 19.10.89.
Подписано к печати 01.11.89.
А 00401. Формат 70 × 108^{1/2}.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 1393.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

«...Это смотрит на нас будущее страны, земли. Не слугните, не обманите новорожденную доброту. Ей предстоит передать Родине, тоже прошедшей путь сиротства и предательства отцов, древнее на Руси понятие родства: ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО ТВОЕГО...»
И не на словах — на деле:

**Вы реально поможете строительству семейных детских домов, купив благотворительные билеты Советского Детского фонда (достоинством в 1, 3, 5, 10, 25 рублей).
Наши дети ждут нашего милосердия!**

